

<Н. Д. ОБОЛЕНСКИЙ>

**Император Николай II
и его царствование (1894–1917):
По материалам, собранным
Старым профессором»***

I

*Внешняя политика императора Николая II.
Война с Японией. Отношения с Англией и Германией*

Трагическая гибель императора Николая II, а с ним и гибель величайшей и могущественнейшей в мире империи до сих пор никого не вразумили. По-прежнему сыплются нападки на покойного последнего русского императора, и на его голову возлагается главная вина в происшедшей несчастной и преступной революции, разрушившей Россию накануне достижения ею своих важнейших исторических задач. И речь идет не о революционных писателях, даже не о так называемых «левых» или «радикальных» кругах (их нападки понятны: приятно сложить вину с своей больной головы на здоровую), но о представителях серьезных, вдумчивых правых групп. Прочтите воспоминания М. В. Родзянко, «Царь и царица» — В. И. Гурко, воспоминания С. Д. Сазонова, кн. Ф. Юсупова, воспоминания гр. С. Ю. Витте (писанные до революции), отрывки из воспоминаний Н. Н. Львова, П. Н. Краснова — «Душа армии» и др., прочтите статьи и заметки в разных «правых» изданиях, вышедших за границей, следовательно, без всякой цензуры, и вы неизменно увидите,

* Впервые: Император Николай II и его царствование (1894–1917): По материалам, собранным Старым профессором. Ницца, 1928. Печатается по этому изданию.

Оболенский Дмитрий Дмитриевич (1844–1931) — князь, русский общественный деятель, профессор, журналист, коннозаводчик, мемуарист. Окончил юридический факультет Московского университета. Шталмейстер Двора императора Александра II. В 1923 г. эмигрировал во Францию; в 1928 г. под псевдонимом «Старый профессор» опубликовал работу о жизни и царствовании Николая II. Умер в эмиграции. — *Примеч. сост.*

до какой степени тенденциозной, неверной является оценка личности императора Николая II и его царствования.

Всегда подчеркивается, что Николай II был прекрасный, обаятельный человек, умный, образованный, мягкий, но *плохой* царь: безвольный, неподготовленный к управлению государством, подверженный вредным влияниям, не обладающий авторитетом, не умеющий подобрать себе хороших сотрудников, не умеющий их удержать, если случайно таковые находились, вечно фатально неудачливый, не могущий понять государственных задач, всегда ошибающийся, не умеющий оценить обстановку, ориентироваться в окружающих людях и в текущих делах и т. д. Революция произошла (как это или прямо высказывается или делается на это прозрачный намек) оттого, что Николай II вовремя не пошел навстречу требованиям прогрессивных кругов общества, не дал «настоящей» конституции; во время войны не согласился на ответственное министерство, принял на себя командование войсками, держал неугодных Государственной Думе министров, увольнял угодных, слушал «дурных» советников, особенно И. Л. Горемыкина, находился под влиянием, весьма вредным, императрицы Александры Федоровны и Григория Распутина (также и других «безответственных элементов»). В результате — «безумно затеянная» Японская война, послужившая причиной вспышки первого революционного движения и «проигрыш» войны с Германией, послуживший главнейшей причиной второго революционного движения, окончившегося гибелью России.

Все это, сказанное до революции (напр., в «Воспоминаниях Витте»), имело бы какой-нибудь смысл и основание: ошибаться, ведь, свойственно всякому, даром предвидения почти никто не обладает. Но теперь, когда факты и события выяснены и «блестящий» результат «великой» революции на лицо, когда скоро минет двенадцать лет после царствования Николая II, и царствование это сияет на расстоянии небывалою красотой и величием, — утверждать теперь подобные вещи, или умышленное преступление или преступное невежество. Царь должен расцениваться по результатам его царствования. Что было сделано за 22 с небольшим года царствования Николая II в области внешней и внутренней политики? Каких успехов достигла за это время Россия? Чем была, чем стала? Обратимся к фактам, точным, объективным данным.

Дальневосточная политика. Сколько было сделано упреков здесь по адресу Николая II! Это была его *личная* политика, здесь он не находился ни под каким влиянием, он сам являлся знатоком Дальнего Востока, стоял во главе Сибирского комитета (по постройке великой Сибирской ж. д. и связанным с нею предприятиям и задачам), был в Японии и в Сибири. Некоторые ловкие дельцы (Безобразов, Абаза, Вонлярлярский, Бадмаев) сумели добиться благоволения государя, подавая, ему разные записки о Дальнем Востоке и предлагая свое участие в развитии разных дальневосточных коммерческих предприятий (лесных, золотых и т. п.). Но это не значит, что они влияли, — влиял именно сам государь. Теперь проблема Тихого океана выяснена. Никто не может оспаривать ее огромного первенствующего значения. К Тихому океану обращены взоры всего мира. В будущем Тихому океану предстоит роль б льшая, чем Атлантическому. Государь *обязан* предвидеть будущее. Россия, которая обладала громадным протяжением Тихоокеанского побережья, должна была заранее подготовить и укрепить там свои позиции. Многие ли в России понимали это? Но Николай II понимал. У него было «орлиное око», он видел далеко вперед. У наших заурядных министров, бездарных «общественных» деятелей и огромной части публицистов было «око куриное», не видящее ничего дальше своего носа. Они упрекали своего государя за его дальнзоркость и гордились своей близорукостью. Со всех сторон кричали: «Чего мы лезем на Дальний Восток? Своего дела внутри страны не обобраться, мы дразним японцев, мы вызываем их на войну». Войну с Японией неизменно и до сих пор ставят на счет Николаю II, утверждая, что он является ее виновником.

Так пишется история. Можно и в самом деле подумать, что Россия объявила войну Японии, по крайней мере, послала в свое время вызов. Между тем, как известно, Япония бросилась на Азиатский материк еще в 1895 г., за 10 лет до войны с Россией напав на беззащитный Китай, захватив Корею и Квантунг и создавая угрозу нашему, тогда вовсе незащищенному Дальнему Востоку. Могла ли Россия остаться к этому безучастной? Россия *выступила* против Японии и выступила не одна, но в союзе с Францией и Германией (при противодействии Англии). Этот союз также был идеей императора Николая II. В то время он имел у себя блестящего помощника Министра иностранных дел кн. Лобанова-Ростовского, сменившего бесцветного Н. К. Гир-

са. Кн. Лобанов сумел объединить, казалось, не объединимое: Германию с Францией, и направить это объединение на пользу России. Соединенный флот (под командой русского адмирала) принудил Японию (без объявления ей войны и без боевых действий) прекратить войну с Китаем и пойти на уступки. Японию не допустили тогда на материк. Ей пришлось удовольствоваться о. Формозой и контрибуцией (с Китая). Россия за свою услугу Китаю получила концессию на Восточно-Китайскую ж. д. с отдаленной в свое фактическое обладание всей Манджурии, аренду на Квантунгский полуостров с Порт-Артуром и Талиенваном (переименованным в Дальний — теперь Дайрен) и протекторат над сделавшейся независимой Кореей. Кроме того Россия (немного позже) урегулировала с Китаем вопрос об Урянхэ (богатой области, заселенной русскими и уступленной нами Китаю по недоразумению, хотя она принадлежала России еще со времени царя Михаила Федоровича). Урянхай был возвращен России. Таковы были приобретения в результате вмешательства в Японско-Китайскую распрю. Возможен ли большой успех во внешней политике с затратой столь небольших усилий, как это было достигнуто императором Николаем II в 1895–1898 гг.? В связи с постройкой Сибирской и Восточно-Китайской жел. дороги и укреплением Владивостока и Порт-Артура этот успех был очень оценен во всем культурном мире. Россия стала считаться могущественнейшей державой, ее кредит сравнивался с кредитом Англии и Франции и был выше германского. Мы выпускали на *внешнем* рынке 3% и 3¹/₂% займы по курсу, близкому к паритету, — небывалое явление в истории мировых финансов.

К сожалению, были допущены ошибки; их виновником был всесильный тогда и высоко даровитый министр финансов С. Ю. Витте. Первая ошибка была в гарантии Россией китайского займа для японской контрибуции, что дало возможность Японии получить деньги для сооружения на английских верфях военного флота, который и нанес впоследствии (в 1905 г.) поражение русскому флоту. Япония тогда была некредитоспособна и без русско-китайской помощи не могла бы создать себе военный флот. Другою ошибкою было сооружение и отличное оборудование коммерческого (неукрепленного) порта Дальнего рядом с недостаточно укрепленным военным портом (Артуром), что во время войны дало возможность японцам выгрузить необходимые осадные орудия, без помощи коих Порт-Артур невозможно было бы

взять. Третьей ошибкой был отказ сооружения Амурской ж. д., созданной уже при Столыпине, после войны и ухода от власти Витте, и первоначальная постройка Сибирской магистрали без мостов через реки, одноколеейкой и с ничтожной пропускной способностью без круго-байкальской соединительной ветви. Четвертая ошибка была в постоянном сокращении кредитов на создание настоятельно необходимого большого военного флота, достаточного для обороны на Д. Востоке и на усиление наших морских крепостей на Тихом океане.

Вследствие этих ошибок (против которых молодой государь постоянно восставал и многое исправил, несмотря на крайнее упрямство со стороны Витте, человека волевого и неуступчивого, но с которым государю не хотелось расстаться в виду его исключительных дарований и влияния в финансовых сферах) создалась относительная наша слабость на Д. Востоке, которая и привела нас к войне с Японией, рассчитывавшей на легкую победу. Наша *слабость* на Д. Востоке была единственной причиной этой войны, а вовсе не какие то лесные концессии в Корее Абазы и Вонлярлярского, как до сих пор твердят наши доморожденные политики. Император Николай II употреблял все усилия, чтобы предотвратить войну, шел на всевозможные уступки, вплоть до отказа от протектората над Кореей и от усиления наших вооруженных сил на Д. Востоке, и тем не менее Япония напала на наш флот даже без объявления войны.

Война была для русского оружия неудачной и на суше и на море, и тем не менее Япония одерживала лишь пирровы победы. Она дошла до крайней степени истощения, и положение японской армии в Манджурии в последние месяцы войны «висело на волоске». Император Николай желал мира, но мира почетного; желал вести войну до победного конца, но вынужден был уступить общественному мнению и начавшимся народным волнениям, вызванным нашими революционными пораженческими группами. По заключенному в Портсмуте миру Россия пошла на уступки. Но отнюдь нельзя сказать, что Россия в общем и целом из своего столкновения на Д. Востоке (1895–1905) вышла с уроном. Напротив, Россия удержала за собой Северную Манджурию, богатейшую и сравнительно пустую (т. е. годную для заселения русскими поселенцами) область, а по договору (1903) с Японией, заключенному другим выдающимся министром Николая II А. П. Извольским, в сферу влияния России отошла также большая часть и Монголии.

Это огромное приобретение. Мало того, Япония была сильно уstraшена тем сопротивлением, которое ей оказала Россия даже при своей полной неподготовленности. Япония искала соглашения, союза с Россией и во время великой войны действительно оказалась в ряду союзников, а не врагов России, как на то надеялась Германия. Возможно, что в этом отношении неудача России в войне с Японией сослужила нам некоторую службу: побежденная Япония мечтала бы о реванше и во время великой войны ударила бы нам в тыл. Таким образом, дальневосточная политика Николая II оправдалась и принесла России огромные выгоды.

Еще более удачной оказалась политика Николая II в отношениях с Англией — вековым врагом России. Николаю II удалось сделать из врага друга и извлечь из соглашения с Англией крупную выгоду. Тот же Д. П. Извольский заключил с Английским правительством договор о разделе сфер влияния обеих держав на Среднем Востоке: к России отошла «сфера влияния» в богатейшей Северной Персии, Кульдже, Кашгаре, Ярканде (т. е. во всем Восточном Китайском Туркестане с его колоссальными залежами угля и меди) и подтверждены русские права на Монголию. Англия получила влияние в Южной Персии, Тибете, Афганистане и Белуджистане. Средняя Персия (с выходом России к Индийскому океану) осталась нейтральной. После этого оставался один лишь шаг до союза с Англией и этот союз был заключен сейчас же после начала войны с Германией; Англия выступила против Германии и тем сразу же преопределила исход войны, сделавшейся непобедимой для центральных империй.

Пытался Николай II обезвредить и Германию: в 1905 г. (в Бьорке) им лично был заключен соответствующий договор с императором Вильгельмом II (это была все та же комбинация союзных отношений между Россией, Францией и Германией, которую удалось практически осуществить в 1895 г.). При осуществлении этого договора не могло бы быть войны с Германией. Она отвлекалась бы в область развития своей колониальной политики («будущее Германии на водах») и не стремилась бы через Австрию и Балканы к Константинополю — Багдаду. К сожалению, великий князь Николай Николаевич, граф С. Ю. Витте и граф Ламздорф (тогдашний министр иностранных дел), настояли на аннулировании этого договора, что и предрешило отказ Германии от колониально-морской политики, устремление Герма-

нии к Ближ. Востоку и неизбежное столкновение ее с Россией. Вина ли дальновидного императора или его более близоруких сотрудников? Несмотря на самодержавие, император не был всесильным в России: времена Петра Великого давно миновали. Общественное мнение и влияние правящих кругов не могли быть пренебрежены русскими самодержцами в XIX и XX столетиях...

Но попытки соглашения с Германией не прекращались и после крушения Бьоркского договора. Преемник А. П. Извольского, С. Д. Сазонов пытался осуществить таковое, хотя и в гораздо более скромных рамках. Но жребий уже был брошен. Германская военная партия восторжествовала и стала явно готовить «предупредительную» войну с Россией и Францией.

II

Мировая война. Вопрос об ответственности за нее России.

Подготовка России к войне. Ход военных действий.

Смена верховного командования и ее результаты

В Германии уже десять лет пытаются возложить на Россию и в частности на императора Николая II ответственность за великую войну 1914–1918 гг., и в русской печати наблюдается такое же течение. Факты, как известно, говорят иное. Русская дипломатия употребляла все усилия, чтобы предотвратить войну, шла на все уступки, почти унижительные. Император Николай II, инициатор международного соглашения о сокращении вооружений (Гаагская конференция 1896 г.) и о создании международного третейского суда для разрешения мирным путем политических конфликтов (предложения Николая II разбились в свое время о резкое противодействие именно со стороны Вильгельма II и привели поэтому к ничтожным результатам), — Николай II до самой последней минуты австро-сербского столкновения 1914 г. добивался мирного его разрешения, оказывая давление на Сербию и заставляя ее идти на все уступки. Но Австрия была непримирима и, подстрекаемая Германией, объявила войну Сербии, мобилизовав одновременно свои войска и на русской границе. Объявила почти одновременно мобилизацию армии и Германия, сперва, впрочем, без официального опубликования. И только тогда император Николай II согласился на мобилизацию своих войск уже под явной угрозой неприятельского внезапного нападения без объявления войны (опыт Японии был еще слишком

памятен). Правительству Николая II скорее можно поставить в упрек недостаточную подготовленность к войне. Но к войне Россия потому именно и не готовилась, что ни в коем случае *не желала войны*. Германия, напротив, издавна подготавливала войну и притом войну наступательную, которую она и начала нападением на Бельгию, нейтралитет которой между прочим был гарантирован самой же Германией.

Теперь многие доказывают, что войну можно было предотвратить. Утверждают, что стоило Англии объявить себя заранее на стороне Франции и России, Германия не осмелилась бы напасть на них. Возможно. Россия и Франция употребляли все усилия, чтобы убедить Англию сделать этот шаг. Англия отказала — она не желала воевать из-за Сербии. Если бы Германия не напала на Бельгию (непоправимая ошибка германского Генерального штаба), а напала бы только на Россию или на Францию (напр., со стороны Вердена), Англия, конечно, не шевельнулась бы.

Но ни Россия, ни Франция не могли бы сами по себе никакими путями предотвратить войну, давно подготовленную и желанную в Германии. Предлог для нападения нашелся бы: вспомним мнимые «французские авионы над Нюрнбергом». В лучшем случае, пожертвовав Сербией, можно было бы войну на месяц-другой отсрочить. Это, конечно, и было бы сделано, если бы была уверенность, что Сербия столь победоносно отобьет первые атаки австро-венгерской армии, как это произошло на самом деле (под Крагуевацом и Шабацием). Но ведь для этих успехов потребовался предварительный разгром австрийских войск русскими (в Галиции). А что было бы без этого разгрома?

Во всяком случае, не Россия объявила войну Германии, а наоборот Германия России и затем Австро-Венгрия России (Россия не напала на Австрию, не объявила ей войны даже после бомбардировки Белграда и вторжения австрийских войск на Сербскую территорию): император Николай II был миротворцем до конца. Но когда война началась уже против его воли, он обнаружил необыкновенную твердость при ее ведении и большое дипломатическое искусство в приобретении союзников и в извлечении для России выгод на случай успешного окончания войны.

Англия примкнула к России, Франции и Бельгии на 4-й день войны. В ближайшем будущем к ней присоединилась Япония, на поддержку которой Германия так рассчитывала. Напротив, Италия, бывшая в союзе с Германией и Австрией, сперва объяви-

ла нейтралитет, а затем выступила против Австрии (в 1915 г.). Русская дипломатия (Штюрмер) заставила выступить на нашей стороне и Румынию (в 1916 г.), всегда тяготеющую к германо-австрийскому союзу. В конце концов на стороне России оказался и ряд других государств: Греция, Португалия, Китай, Бразилия. Не могла только Англо-франко-русская дипломатия заставить продержаться нейтралитет Турцию и Болгарию. Это была огромная неудача, но неизбежная: и Турция и Болгария были в скрытом соглашении с Германией еще до войны, их участие было предрешено заранее. Но и из участия в войне Турции России удалось извлечь большую выгоду: она поставила на очередь разрешение своей исторической задачи по овладению проливами и занятию Великой Армении. Союзники дали России согласие на присоединение к ней Константинополя с проливами, островами Тенедосом и Имбросом и соответствующими территориями на азиатских и европейских берегах проливов, а также на присоединение значительных территорий в Малой Азии, примыкающих к нашему Закавказью (в том числе Эрзерума и Трапезунда).

При разгроме Турецкой империи и ее расчленении Россия могла потребовать образования Месопотамско-Палестинского еврейского царства (или республики), благодаря чему мог быть совершенно удовлетворительно разрешен столь сложный и острый для России еврейский вопрос, всегда занимавший императора Николая II. Палестина — бедная и маленькая область сама по себе, конечно, недостаточна для прокормления огромных масс евреев, если бы они туда переселились. Это было всегда ясно для тех, кто знаком с Палестиной, а теперь ясно и для всех после опыта с колонизацией Палестины евреями после войны (совершенно неудавшегося). Но Месопотамия (первоначальная родина евреев, вполне приемлемая с их религиозной точки зрения) — страна богатейшая, при условии ее орошения, легко осуществимого и уже существовавшего в прежние времена, когда она была «колыбелью цивилизованных народов». Богатейшие источники нефти, возможность хлопководства и прекрасные морские гавани — залог самого широкого развития этой страны при условии приложения к ней интенсивного труда и капитала.

Еврейское царство, поставленное под протекторат великих европейских держав и С. Штатов С. Америки, несомненно, могло бы процвести и привлечь евреев-колонистов со всех концов вселенной и преимущественно, конечно, из России, которая ока-

зала бы и этой колонизации и самому еврейскому народу самую деятельную поддержку: моральную, политическую и экономическую. Такое решение еврейского вопроса в связи с войной было блестящей мыслью императора Николая II и некоторых из его сотрудников, и оно было близко к осуществлению.

Что касается до Западной границы, то Россия обеспечила ее исправление (с согласия союзников) в таком виде, в каком ей угодно было бы определить самой. Предполагалось прежде всего объединение с Российской империей всех старинных русских областей, т. е. Буковины (Зеленая Русь), Прикарпатской Руси и Галиции (Червоная Русь) и далее объединение Польши под скипетром русских царей (т. е. присоединение к Царству Польскому Краковской области, Познани с Данцигом и Верхней и Нижней Силезии в полном составе). По желанию могла быть присоединена и Восточная Пруссия, онемеченная старинная славянская область (принадлежавшая прежде чешским королям) и завоеванная в эпоху семилетней войны имп. Елизаветой Петровной у Фридриха Великого и подаренная ему обратно имп. Петром III (лишившимся за это предательство русских интересов престола и жизни).

Ни в одну прежнюю, самую удачную войну (не исключая победной кампании 1812–1814 гг.) России не удавалось так широко обеспечить свои интересы, как удалось это сделать императору Николаю II в процессе мировой войны, при чем все руководство внешней политики велось им непосредственно, совершенно твердою рукою. И где же здесь слабование, нерешительность и неосведомленность покойного императора, о которых все говорили? Несмотря на свою привязанность и уважение к министру иностранных дел С. Д. Сазонову, Николай II не остановился перед увольнением его в отставку, когда убедился в недостаточной его смелости и настойчивости при отстаивании русских интересов и в чрезмерной уступчивости, иногда почти пресмыкательстве перед союзниками (что подтверждает в своем дневнике и французский посол Палеолог). Сменивший Сазонова Б. В. Штюрмер (столь беззастенчиво оболганный русской печатью вслед за иностранной) действовал по непосредственным указаниям самого императора Николая II с чрезвычайной смелостью и настойчивостью в деле обеспечения русских выгод в случае успешного окончания войны и добился согласия союзников на все русские требования (его за это крайне невзлюбили союзные представители, ведшие против Штюрмера настоящую травлю).

Императору Николаю II ставят в вину недостаточную подготовку к войне, ее неудачное ведение и более всего принятие лично на себя (в самый тяжелый момент военных неудач) верховного командования войсками. Мы были, конечно, не готовы к войне. Но кто был готов? Ведь Россия не желала войны, всячески ее избегала. Естественно, что и готовилась к войне неохотно, щадя народные средства, которые были так нужны для развития производительных сил страны и для осуществления ее культурных задач.

Но даже Германия, которая готовилась к нападению на соседей, специально для этого вооружалась, разработала подробно все планы наступления на Францию и Россию, подготавливала специальные стратегические пути, приспособила к войне свою финансовую систему, создала все необходимые запасы и т. д., оказалась ли она надлежащим образом подготовленной? Предвидела ли она вмешательство Англии? Допускала ли, что война будет длиться более четырех лет и окажется «войною на истощение»? Германский штаб был уверен в быстрой молниеносной победе, и только к этой короткой войне был готов. Не говорим уже об Австро-Венгрии, которая готовила войну, как и Германия, и оказалась все же менее готовой, чем Россия.

И нельзя сказать, что Россия вовсе не была готова к войне. Она оказалась в большей готовности, чем в эпоху войны Крымской, Турецкой 1877 г. или Японской 1904 г. Армия была вся вооружена скорострельными магазинными ружьями (и их было больше, чем у германцев), отличной скорострельной полевой артиллерией: снарядов в среднем на пушку было около 850 (по тогдашним расчетам после 1000 выстрелов пушка становилась негодной), армия была снабжена большим (сравнительно) количеством гаубиц, тяжелой артиллерии и пулеметов, хотя, конечно, и недостаточными. Накануне войны наши оружейные и пушечные заводы были расширены и приступлено к сооружению новых. Была готова великолепная эскадра дредноутов, более сильных, нежели германские. Снаряжение и снабжение армии оказались в сравнительном порядке. В лучшем порядке, чем когда-либо, была и рельсовая сеть, благодаря чему, мобилизация армии могла быть произведена несколькими неделями раньше предполагаемых генеральным штабом сроков (что дало возможность быстро начать наступление в Восточную Пруссию и тем спасти от разгрома французскую армию). Военные планы

были в большем порядке, чем когда-либо. Мобилизация была проведена вполне успешно. Германский штаб во всяком случае был сильно разочарован: он рассчитывал на гораздо худшую русскую подготовку. Между прочим, нашему штабу оказались отлично известными оба военных плана наступления австро-венгерского штаба и тот из них, который был применен (№ 1) был отлично отпарирован русским командованием, хотя предполагалось, что будет осуществляться другой план (№ 2).

В полном порядке оказались и русские финансы: блестяще сведенный бюджет, огромная свободная наличность (свыше полу-миллиарда рублей золотом), колоссальный разменный золотой фонд Государственного банка (свыше 1600 млн руб. зол.), большие запасы иностранной валюты за границей (также свыше 500 млн руб. зол.). Россия несомненно была лучше подготовлена к войне, чем ее союзник Франция и присоединившиеся к союзу: Англия (в 1914 г.) и Италия (в 1915 г.). Упрек императору Николаю II, что Россия оказалась к войне вовсе неподготовленной, является совершенно голословным и потому тенденциозно несправедливым.

Война была поведена с самого начала правильно. Наступление в Восточную Пруссию было прекрасным стратегическим маневром, сперва очень удачным (движение ген. Рененкампа, бой под Гумбиненом), потом потерпевшим частичное крушение (поражение армии ген. Самсонова под Сольдау-Таненбергом), но все же выполнившим свое основное задание (отвлечение германских сил от Франции и спасение Парижа). Большой успех (а он был вполне возможен вследствие неосторожности германского штаба, не рассчитавшего времени развертывания русских армий и оставившего для обороны В. Пруссии слишком ничтожные силы) — большой успех привел бы к потере германцами Восточной Пруссии и Вислянской системы крепостей и скомпрометировал бы весь план германского штаба. Австро-венгерская армия (в великой Галицийской битве) потерпела полный разгром, который должен был окончиться падением Перемышля и Кракова, прижатием армии к Карпатам и полной ее сдачей, что, вероятно, сразу же вывело бы Австро-Венгрию из строя и заставило бы ее заключить сепаратный мир (с потерей Галиции и Буковины). Австрия была спасена победой Гинденбурга над армией Самсонова и его удачной диверсией на Варшаву, защита которой потребовала отвода значительных русских сил из Галиции, прекращения штурма Перемышля и приостановки преследования разбитой

австрийской армии. Трудно оспаривать, что эта защита Варшавы (потребовавшая огромных жертв со стороны русской армии, между прочим, великолепных сибирских корпусов, брошенных в бой прямо из вагонов) была ошибкой нашего верховного командования, вызванной не столько стратегическими, сколько политическими соображениями. Но во всяком случае Варшава была спасена, атака Гинденбурга отражена, и русские войска остались и в занятой ими Галиции и в части Восточной Пруссии (на линии Мазурских озер).

Неудачи наши начинаются с 1915 г. и, конечно, император Николай II решительно здесь ни при чем. Причина неудач рискованное зимнее наступление на Карпаты, предпринятое по инициативе Штаба главного командования, вопреки мнению большинства Военного совета и представителей союзного командования, которые заявляли о невозможности оказать с своей стороны содействие русскому наступлению в виду недостатка у них снарядов и необходимости пополнения их армий. Снарядов в русской армии тоже не было достаточно для наступательных целей (и было удовлетворительное количество для целей обороны), их надо было пополнить, для чего даны были соответствующие заказы, тем более, что в это время уже было сделано изобретение, позволяющее использование орудий для несравненно большего количества выстрелов, чем предполагалось в начале войны. Карпаты, легко проходимые летом, почти неприступны зимой.

И тем не менее наступление началось в предположении, что австрийская армия совершенно расстроена. Но эта армия, подкрепленная германцами, оказала в природных благоприятных условиях, серьезное сопротивление, для преодоления которого потребовались героические усилия со стороны русских войск, сделалось необходимым введение в бой кадровых частей, расположенных в Восточной Пруссии, издержание огромного количества снарядов, создавшее в остальных армиях безусловный их недостаток. В результате — прорыв в феврале 1915 г. русского расположения у Мазурских озер и в апреле прорыв растянутых от Львова до предгорий Карпат русских армий Юго-Западного фронта на реке Дунайце. При недостатке снарядов и гибели значительнейшей части кадровых войск начался отход русских армий. Пала система русских крепостей: первой (Варшава, Новогеоргиевск, Ивангород) и второй (Гродно, Ковно, Брест-Литовск, Ковель) линий. Сдано было в плен более двух миллионов солдат.

Больше миллиона погибло их в боях. Уже был отдан приказ об очищении Киева и ставка перенесена была из Барановичей в Могилев. Русские войска отступали даже перед австрийскими после нанесения последним поражений (что вызывало в наших войсках ропот). Риге угрожало падение. Германская кавалерия гнала русские корпуса (уже почти безоружные) и готовила прорыв (в Молодечно), чтобы затем начать конный рейд в тылу русской армии. Командующий сев.-зап. фронтом генерал Н. В. Рузский сейчас же после ликвидации им (под Праснышем) германского прорыва в В. Пруссии, ушел в отставку, несогласный с распоряжениями штаба главнокомандующего. Об отчислении своем ходатайствовал и командующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов, разделявший со своими войсками неудовольствие по поводу приказов об отступлении перед австрийцами после побед над ними...

Что оставалось делать государю в этот страшный и ответственный момент, когда уже выражалось опасение за участь обеих столиц и говорили о переносе ставки в Люботин?

Он как верховный вождь армии и флота и самодержавный царь *обязан* был сменить верховное командование, несмотря на блестящие дарования, военные заслуги, громадную популярность в. к. Николая Николаевича и свое уважение и любовь к нему. Государь очень колебался. Он первоначально настаивал лишь на замене начальника штаба ген. Янушкевича, генералом М. В. Алексеевым, но встретился с категорическим противодействием Великого Князя какой-либо замене этого злополучного генерала.

Конечно, всего правильнее было заменить Великого Князя кем-либо из выдавшихся на войне генералов (М. В. Алексеевым или Н. В. Рузским, напр.), но такая замена вызывала зависть других генералов и до известной степени оскорбляла бы Великого Князя Николая Николаевича, подчеркивая неодобрение его действий самим, будто, государем. При таких обстоятельствах императору Николаю оставалось одно: принять номинально командование войсками лично, взяв начальником штаба выдающегося и авторитетного генерала (назначен был М. В. Алексеев, возвращены к командованию Н. В. Рузский и Радко-Дмитриев). В. К. Николай Николаевич не был просто отставлен, а назначен Наместником Кавказа и Главнокомандующим кавказским фронтом, — должность первостепенной важности в виду предстояв-

ших завоеваний в Малой Азии и необходимости их устройства. Назначение это вполне оправдалось блестящими результатами и распорядительностью великого князя Николая Николаевича. Таким образом труды и дарования Верховного Главнокомандующего были вполне оценены.

Государь не взял на себя командование войсками в благоприятный момент, в момент решительной победы, как ему это советовали, но в самую тяжелую и ответственную минуту. «Вы можете стать во главе войск, когда они будут входить в Берлин, — говорили государю его министры, — но не рисковать возможностью поражения». Другими словами, государю рекомендовалось присвоить себе славу победы, одержанной его полководцами, но отнюдь не разделять со своей армией ее тяжелого положения, — чисто «готтентотская мораль»... Государь держался другого мнения. Он охотно готов был предоставить всю славу победы своим генералам и осыпать их за то наградами, но не мог допустить окончательного поражения ради пощадки личных самолюбий и для сохранения себя лично от всякой опасности и нареканий. Он предпочел лично взять на себя всю ответственность. И за этот смелый и благородный шаг его упрекают до сих пор.

Почему? Разве принятие императором Николаем II верховного командования повлекло за собой неудачи? Напротив. Неудачи как раз с этого времени прекратились. Ликвидирован был прорыв германской конницы под Молодечно и почти вся она была потоплена в болотах. Отбиты были все штурмы Двинска, несмотря на все упорство германцев (70 атак). А ведь перед тем все крепости падали одна за другой. Операция против Риги потерпела полную неудачу. В боях на Стыри и Стрыпе было остановлено австро-венгерское наступление (Маккензена) и об эвакуации Киева больше речи не подымалось. Положение русской армии стало устойчивым. Продвижение германской армии прекратилось. Уже это было огромным успехом. И этим успехом армия всецело обязана была именно лично самому государю, своим хладнокровием и спокойствием духа влившему силы в своих ближайших сотрудников. Это признавал сам ген. М. В. Алексеев (см. «Русская летопись», кн. 1-я, Париж, 1921 г., стр. 167 и след.). Но в дальнейшем, именно под командой государя, русская армия окончательно окрепла и перешла снова в наступление. Напомним о боях Брусилова в 1916 г., после которых

фронт продвинулся на 70 верст вперед и была занята нами вся Буковина и снова часть Галиции. Напомним о боях на Стоходе, предпринятых для спасения Вердена, когда значительно был выпрямлен русский фронт и снова спасена Франция. Не следует забывать и об успехах, совершенно исключительных, на Мало-Азиатском театре войны: разгроме турецких армий и взятии Эрзерума, а потом Трапезунда войсками ген. Н. Н. Юденича. Напомним, что именно при командовании государя русская армия, несмотря на непрерывные бои и страшные предыдущие потери, вновь была собрана и реорганизована, перевооружена и снабжена таким военным материалом и в таком изобилии, о каких раньше не имели понятия. Эта огромная (до 12 мил. человек) армия к весне 1917 г. была вполне готова к общему наступлению, которое вымело бы из России навсегда австро-германцев и покончило бы с центральными империями, если бы не злосчастная революция, устранившая с престола Николая II и вместе с тем уничтожившая и самую Россию.

Что это не фантазия, доказано историей: даже без России, Франция и Англия (с поддержкой С. Штатов, но при поражении Сербии, Румынии и Италии), одержали полную победу над Германией и Австрией, — только война длилась на $1\frac{1}{2}$ года дольше. При участии России, конечно, победа была бы одержана раньше и она была бы несравненно полнее.

Итак, с точки зрения внешней политики царствование Николая II было из блестящих блестящим. Его политика должна была привести Россию к вершинам ее славы, к осуществлению всех ее исторических задач. А низложение императора Николая, напротив, в руках бездарной «демократии», довело Россию до небывалого падения, лишило Россию всех ее завоеваний, начиная с Петра Великого, не говоря уже о лишении плодов всех усилий и затрат, сделанных в мировую войну. Все пошло прахом, и Россия отодвинулась почти к границам бывшего московского царства (кстати, ее столицу снова перенесли в Москву), не только ничего не приобретя, но потеряв всю Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу с частями Белоруссии и Малороссии, Бессарабию и Карсскую Область, с низведением населения, почти в 190 мил. человек, только до 140 млн, тогда как при нормальном приросте населения и без потери своих территорий, Россия должна была бы теперь (1928) иметь не менее 220 млн человек.

III

Внутренняя политика императора Николая II. Рост благосостояния населения. Его сбережения. Внешняя торговля. Государственный бюджет. Урожай. Аграрная политика. Отмена питейных налогов. Наделение крестьян землею. Столыпинская реформа

Что сделано было императором Николаем II во внутренней политике? В этом отношении царствование Николая II представляет, быть может, единственную страницу в нашей истории по достигнутым результатам в смысле экономического и культурного подъема страны. Прежде всего, бросается в глаза огромный *рост населения*. Он дошел, по официальным подсчетам, со 120 млн душ (в 1894 г.) до почти 190 млн душ (в 1917 г.), т. е. за время царствования императора Николая II составил около 70 млн душ, — цифра, превышающая все население тогдашней германской империи (менее 67 млн душ). В стране несвободной, экономически неразвивающейся, такой рост населения не возможен: ему нечем будет прокормиться, будет неизбежная массовая эмиграция, будут наблюдаться голодовки, эпидемии, понижение среднего уровня благосостояния. В период 1894–1916 гг. мы наблюдаем обратное: голодовки в России, которые в прежнее время все же иногда наблюдались (как последствия неурожая), в царствование Николая II исчезают вовсе; конечно, были и неурожайные года (неизбежные по местам вследствие громадной территории империи и ее в общем континентального, засушливого климата), но они не влекли за собою больше голода, запасы продовольствия в стране всегда были громадны, организация доставки его в местности, пострадавшие от неурожая, была отлично налажена, блестящие финансы всегда позволяли роскошь сверхсметных ассигновок для оказания помощи населению. Уровень благосостояния населения сильно поднялся, что доказывается огромным увеличением его сбережений, ростом государственного бюджета, повышением урожайности хлебов, ростом промышленности и торговли, в том числе торговли внешней, исчезновением недоимок по прямым налогам, — этого верного показателя бедности плательщиков и т. д.

Довольно привести на справку, что сумма вкладов в сберегательные кассы (куда именно стекаются мелкие сбережения) возросла с 300 млн руб. в 1894 г. до 2000 млн руб. в 1913 г.

(на 570%) и в 1917 г. даже до 5225 млн руб. (увеличение почти на 1700%). Сумма вкладов и собственных капиталов в мелких кредитных учреждениях (на кооперативных началах) составляла в 1894 г. всего около 70 млн руб., в 1913 г. 620 млн руб. (увеличение на 800%), а к 1 января 1917 г. даже до 1200 млн руб. Самое количество этих учреждений возросло с 2000 до 17000 и нигде в мире не развивались эти мелкие кредитные учреждения, обслуживающие преимущественно сельские кооперативы и отдельных крестьян, с такою быстротою и размахом, как в России, причем это развитие шло неизменно по инициативе и под руководством правительства, при помощи и поддержке Государственного банка и Государственных сберегательных касс. И все это было разграблено большевиками.

Чрезвычайно было и развитие крупных кредитных учреждений. Так акционерные коммерческие банки имели в 1893 г. собственных капиталов всего 150 млн руб. и вкладов на 300 млн руб., а в 1913 г. собственных капиталов уже 750 млн руб. (более на 400%) и вкладов 2500 (более на 700%). Таков же рост капиталов и вкладов в обществах взаимного кредита и городских банках. Мы не говорим уже об этом приросте во время войны, под влиянием огромного выпуска в обращение бумажных денег. К январю 1917 г. сумма вкладов в Государственном и частных банках превышала 8, 5 млрд рублей, а со сберегательными кассами и мелкими кредитными учреждениями свыше 15 млрд рублей. Все эти огромные сбережения были поглощены и уничтожены революцией.

О росте промышленности и торговли дает представление рост акционерных капиталов крупных предприятий и раз. меры внешней торговли, также поступление налогов торговли и промышленности. В 1893 г. акционерных капиталов в России числилось только на 800 млн руб., в 1913 г. уже на 3500 млн руб. (увеличение на 340%). Обороты внешней торговли составляли в 1894 г. 1228 млн руб., а в 1913 г. — 2642 млн руб. (увеличение на 115%). Поступления налогов с торговли и промышленности дошло с 30 млн до 150 млн руб. (увеличение на 400%).

Государственный бюджет возрос с 1031 млн руб. до 3563 млн руб. в 1913 г., а в 1916 г. даже до 4000 млн руб. (обыкновенные доходы), несмотря на отмену казенной продажи питей и вообще отмену налогов на спиртные напитки, вследствие полного воспреещения (1914 г.) их потребления, т. е. рост государственных

доходов за время царствования императора Николая II определился почти в 300%, — явление небывалое за такой короткий промежуток времени, явное доказательство огромного роста народного благосостояния. (Увеличение налогов здесь роли не играет, тем более, что многие из них были понижены или вовсе отменены*). Большое значение в деле этого роста имело резкое увеличение урожая хлебов: в среднем урожай четырех главных хлебов (пшеницы, ржи, овса и ячменя) с 3000 млн пуд. в год дошел до 4500 млн пуд. (в круглых цифрах) сообразно с чем чрезвычайно возрос и наш вывоз хлеба за границу, дошедший в последние перед мировой войной годы до громадной цифры, превышающей 800 мил. пуд. на сумму до 750 млн руб. золотом.

Чем же объясняется этот баснословный подъем народного благосостояния при императоре Николае II? Прежде всего, рациональной и смелой политикой в области важнейшего в России вопроса — аграрного. Было обращено особое внимание на подъем благосостояния *крестьян*: на расширение их прав, уничтожение остатков их крепостной зависимости, уменьшение лежащих на них налогов, расширение крестьянского землевладения, освобождение их от пут общины и власти «мира». Отменен был паспортный налог, и введена была новая паспортная система, обеспечивающая крестьянам свободу передвижения, свободу выбора труда и независимость от произвола «мирских» организаций. Отменена была круговая порука при взыскании прямых налогов. Понижены были (наполовину) и без того очень невысокие поземельные налоги. Отменены были полностью, в общем на сумму около 100 млн руб. зол. в год, выкупные платежи за земли, отошедшие в эпоху великих реформ императора Александра II к крестьянам от их бывших помещиков и от уделов, а также за земли, отошедшие на выкуп при Александре III к бывшим государственным крестьянам от государства. Наконец, в начале войны были отменены и питейные налоги, также очень тяжело отражавшиеся на благосостоянии крестьян. Эта последняя реформа имела крайне благотворные следствия и позволила провести войну без особого обременения налогами широких крестьянских масс, получивших, напротив, в свое распоряжение огромные

* Между прочим, сильно были понижены железнодорожные тарифы, особенно пассажирские. Новое увеличение их произведено было только во время войны.

сбережения, которые помогли правительству легко разместить на очень крупные суммы свои военные займы, а крестьянству — выдержать войну без всякого разорения.

Россия, как это ни странно, скорее разбогатела, чем обеднела во время войны, увеличила, а не уменьшила свое производство. Самый «сухой» режим проведен был очень удачно. Это во время революции развилось в необычайных размерах корчемное производство и потребление спиртных напитков («самогон»); а со времени восстановления коммунистической властью казенной выделки и продажи питей началось и дошло до гомерических размеров спаивание населения водкой. Во время же войны не было ничего подобного: народ принял воспрещение потребления алкоголя спокойно, с сознанием необходимости и чрезвычайной полезности этой меры и ей подчинился. Пьянство прекратилось вовсе.

Но и до отмены казенной продажи питей пьянство в России с каждым годом шло на убыль. Кабаки были закрыты. Качество спиртных напитков резко улучшено (освобождение их от сивушных масел, этого жесточайшего яда, сразу же прекратило т. наз. «запой»). Потребление напитков было урегулировано. *В целом мире по количеству душевого их потребления Россия занимала последнее место.* Вся эта работа погублена революцией, введшей не только страшные налоги на спиртные напитки и пустившей их в оборот в огромном количестве, но и задавившей несчастное крестьянство тягчайшими прямыми и косвенными налогами, во много раз превысившими скромные их ставки при императоре Николае II.

Землею крестьяне в царствование Николая II были наделены вновь в размерах, превысивших даже это наделение при Александре II. Крестьянский банк, учрежденный в 1882 г. (при Александре III) специально для помощи крестьянам при приобретении ими новых земель, но действовавший очень слабо в виду ничтожного размера выдаваемых им ссуд и высокого процента по этим ссудам (7½–8½% в зависимости от срока погашения), при императоре Николае II был реформирован. Ссуды Банк стал выдавать крестьянам в размере до 90 и даже 100% оценки приобретаемой крестьянами земли (до реформы лишь до 60% и в виде исключения до 75%), а процент по ссудам был уменьшен до 4½ (включая погашение), что по тогдашним русским условиям было очень дешево и даже убыточно для Банка (убытки падали на Го-

сударственное казначейство). Сам Банк получил право (и широко воспользовался этим правом) скупать продаваемые земли для распределения их между крестьянами.

При посредстве Крестьянского банка крестьяне, в царствование императора Николая II, получили не менее 15 млн дес. земли на самых льготных условиях*. Крестьянам были переданы для их заселения также земли государственные и удельные, всего около 6 мил. дес. в Европейской России и все государственные и *кабинетские* земли в России Азиатской. Наделы в Азиатской России были громадны: по 15 дес. на душу, по 45 дес. на семью, причем каждой семье выдавалось пособие в 200 руб. зол. и она перевозилась со всем имуществом бесплатно (на казенный счет) до места поселения.

В Сибири были устроены казенные склады земледельческих орудий, снабжавшие население усовершенствованными сельскохозяйственными машинами и орудиями по крайне дешевой цене и на самых льготных условиях. Переселенцы получили в Азиатской России по самым скромным подсчетам не менее 40 млн дес. земли (в царствование императора Николая II переселилось около 5½ млн душ обоого пола). Таким образом крестьяне увеличили площадь своего землевладения по крайней мере на 60 млн дес., не считая приобретенной без помощи государства (при Александре II на началах выкупа бывшие помещичьи крестьяне получили 33 млн дес.)**.

К 1916 г. в руках крестьян и казаков было около 172 млн дес. собственной земли только в 50 губерниях Европейской России (кроме Кавказа и Царства Польского). Гражданам других сословий принадлежало лишь около 85 млн дес. из которых 18 млн дес. *мелким* собственникам, обрабатывающим земли личным трудом без помощи наемной силы. Большая часть остальных 67 млн дес. была или под лесом или в аренде у крестьян. Можно сказать, что накануне революции крестьянам принадлежала на началах собственности *вся* земельная пахотная площадь в Азиатской России и на началах собственности и аренды до 90% всей площади в России Европейской (по сельскохозяйственной

* Кроме того, не менее 25 млн дес. земли куплено было крестьянами без помощи Банка.

** Не считая крестьян удельных (до 4, 5 млн дес.) и государственных, которые получили наделы на выкуп при Александре III (до 77 млн дес.).

переписи 1916 г.) Таким образом ходячее мнение, что в царской России крестьяне были «обездолены землею», что она принадлежала «помещикам» и что было крайне необходимо отобрание этой земли у помещиков и передача ее крестьянам, — ни на чем не основано. Революция совершила «черный передел». Крестьяне от этого только обеднели, урожаи резко понизились, и Россия из житницы Европы превратилась в страну непрерывного голода. Этот голод и есть настоящее «достижение революции» после сытого и обильного «царского периода».

Передавая все государственные, удельные и кабинетские земли крестьянам и всячески способствуя переходу к ним частновладельческих крупных владений, правительство Николая II заботилось также об улучшении приемов крестьянского хозяйничанья и о крестьянском землеустройстве. Были учреждены специальные землеустроительные комиссии при Землеустроительном Комитете Министерства Земледелия с участием в них крестьян. Крестьянам было разрешено (так называемая «Столыпинская реформа») выходить из общин и требовать укрепления земли в единоличную собственность, оказывалось всяческое содействие развитию хуторского хозяйничанья*, широко был развит сельскохозяйственный кредит, открыт ряд высших, средних и низших сельскохозяйственных учебных заведений, организована широкая аграрно-воспитательная помощь населению, предприняты многочисленные работы по орошению и обводнению сухих земель и к осушению заболочиваемых, по борьбе с вредителями, по развитию специальных культур. Ассигновки на общее, т. е. низшее народное образование, увеличены с 14 млн руб. до 67 млн руб., т. е. почти на 400%, и т. д. Все это дало прекрасные результаты. Урожаи зерновых хлебов и корнеплодов сильно повысились. Развилось производство промышленных растений, особенно льна и хлопка**. Увеличилось скотоводство. Характерно, что даже за время войны количество скота у крестьян не уменьшилось, а возросло, несмотря на усиленные реквизиции для нужд армии. До очень крупных размеров дошел вывоз за границу масла, осо-

* В первые шесть лет реформы на хутора и отруба вышло около 2 млн дворов, с площадью земли в 12 млн дес.

** В начале царствования Императора Николая II сбор хлопка (волокна) составлял в России около 3 млн пуд., в конце — около 16, 5 млн пуд. (увеличение на 450 процентов). Сбор льна составил в 1913 г. 23, 5 млн пуд.

бенно из Сибири, и яиц. Первого на 70, вторых на 80 млн руб. перед войною. В ближайшем будущем можно было рассчитывать на совершенно исключительный рост благосостояния широких народных масс, — русского крестьянства.

Революция отбросила Россию на два столетия назад...

IV

*Развитие обрабатывающей промышленности.
Рельсовая сеть. Влияние войны. Приток иностранного
капитала. Реформа денежного обращения.
Государственный кредит России*

Другой причиной общего экономического подъема России при Николае II, после правильной аграрной политики, явилась исключительная забота правительства о развитии в стране обрабатывающей промышленности и о разработке огромных естественных богатств страны. Чтобы сделать эти богатства доступными необходимо было развить надлежащим образом рельсовую сеть, составлявшую ко вступлению на престол императора Николая II немногим более 30000 верст. Ни в какой период русской истории сооружение железных дорог не было столь интенсивным, как при Николае II. Равным образом, только при нем удалось русскую сеть сделать доходной и освободить казну от постоянных приплат по убыткам железных дорог. Эти убыточные и бесхозяйственно ведшиеся линии, принадлежавшие частным обществам, были постепенно выкуплены в казну. Из частных обществ оставлены только те, которые зарекомендовали себя с наилучшей стороны.

Правительство усердно сооружало новые линии и казенным распоряжением, и при посредстве частных обществ. В дело русского ж. д. строительства были привлечены значительные капиталы и из заграницы. Всего до великой войны было сооружено при Николае II, около 32000 верст новых рельсовых путей и до 7000, во время самой войны. В постройке было около 18 тыс. верст. Всего русская сеть составляла до 74 тыс. верст, не считая дорог Финляндских и Восточно-Китайской, а со строящимися даже до 92 тыс. верст. Кроме того до 70 тыс. верст было намечено к постройке сейчас же по окончании войны. Это уже чисто американский размах. Ежедневная погрузка этой сети составляла 40 тыс. вагонов или 40 млн пудов разных грузов и до 1 млн пас-

сажиров. Подвижной состав сети составлял 20 тыс. паровозов, 570 тыс. товарных и 20 тыс. пассаж. вагонов.

Постройка жел. дорог сама по себе должна была способствовать развитию промышленности в стране. Для этого сооружения требовалось громадное количество разных материалов, рельсов, железных частей, паровозов, вагонов. Русский закон требовал, чтобы все это приобреталось исключительно на отечественных заводах и не могло выписываться из-за границы. Отсюда возникновение металлургических, паровозостроительных и вагоностроительных заводов в России. Многие из них были основаны за счет иностранного капитала, приток которого был тогда особенно обилён. Правительство Николая II вообще всячески поощряло создание новых заводов путем *казенных заказов*.

Заказы делались и для военных целей: постройка крепостей, военных судов, изготовление пушек, оружия, снарядов и для целей общего развития страны. Так, распоряжением казны сооружен был знаменитый керосинопровод из Баку в Батум с заказом труб, на специально для этого сооруженном частном заводе. Так приступлено было к электрификации Волховских порогов и разработан был план электрификации Днепровских порогов распоряжением Министерства Путей Сообщения, в бытность министром С. В. Рухлова. Так возникали заводы для изготовления материалов, необходимых для переоборудования наших портов, предпринятого в самых широких размерах правительством императора Николая II.

Огромные оросительные работы в Закавказье и в Средней Азии вызывали новые оборудования и т. д. Поощряя путем казенных заказов, развитие отечественной промышленности, правительство поощряло ее также усиленным таможенным покровительством, широкими кредитами, открываемыми Государственным банком, поддержкой частных банков, взявших на себя регулирование промышленности и пр. Можно сказать, что промышленное развитие России могло идти столь интенсивно именно только при деятельном содействии и в значительной степени по инициативе правительства. Поэтому говорить, как часто у нас принято, что Россия развивалась не благодаря деятельности царского правительства, а независимо от нее и даже «вопреки ее», «несмотря на тягостный режим», совершенно несправедливо. Вот некоторые цифры. Добыча нефти возросла в царствование Николая II с 297 млн пуд. в 1894 г. до 561 млн пуд. в 1913 г. и до 602 млн пуд. в 1916 г.

(рост на 100% слишком), добыча каменного угля с 331 млн пуд. в 1894 г. до 1773 млн пуд. в 1913 г. (на 436%) и до 2101 млн пуд. в 1916 г., без Домбровского района. Добыча железной руды с 30–40 млн пуд. превысила 500 млн пуд. (увеличение почти на 1600%). Добыча марганцевой руды доходила до 50 млн пуд., золота в 1916 г. до 3764 млн пуд. вместо 2500 млн пуд. в 1894 г.

Такой же подъем наблюдается и в отношении других ископаемых: меди, платины, серебра, соли. Обработка железа и стали возросла на 230%. Выплавка чугуна и производство готовых продуктов по железоделательным районам определялось цифрой до 300 млн пудов. Размер производства всей фабрично-заводской промышленности Европейской России, за исключением производств, облагаемых акцизами, составлял цифру свыше 4 миллиардов зол. руб. Число более крупных промышленных заведений доходило до 14000, число занятых в них рабочих — свыше 2 млн*. По сравнению с концом царствования Александра III это, по крайней мере, учетверение промышленной деятельности страны.

Особенно сильный рост наблюдается в развитии текстильной промышленности, в отношении производства которой Россия занимала четвертое место в целом мире, после Англии, Германии и С. Штатов. Велик также рост металлургической промышленности. В огромных размерах увеличилась эксплуатация и разработка леса. Вывоз его за границу дошел до 140 млн руб. Производство сахара с 30 млн пуд. (в конце царствования императора Александра III) дошло до 120 млн пуд., став на первое место в Европе. Душевое потребление сахара возросло с 12 фун. до 25 фун.

Развитие промышленности шло в чрезвычайных размерах. Война его не остановила. Напротив, многие отрасли промышленности, в виду полного отсутствия заграничной конкуренции и под влиянием огромных казенных заказов для надобностей армии, чрезвычайно возросли. С окончанием войны ожидался исключительный подъем производства. Революция уничтожила русскую промышленность совершенно и все усилия царского правительства, столь обдуманно и планомерно развивавшего производительные силы страны, пошли прахом. Богатства «цар-

* Особенно сильно развилась текстильная хлопчатобумажная промышленность, — с 3, 5 млн веретен, потреблявших до 6 млн пуд. хлопка, количество веретен дошло (в 1915 г.) до 9 млн веретен, перерабатывавших свыше 24 млн пуд. хлопка. Сообразно с этим утроилось и потребление тканей населением.

ской» России, однако, были так велики, что их остатков хватило на одиннадцать лет безумного их расточения представителями «социалистической демократии», не сумевшей ничего создать, но обнаружившей блестящую способность к разрушению.

Подъем русской промышленности не мог бы быть осуществлен без притока в Россию иностранного капитала. Препятствием для этого притока всегда служила неустойчивость русской валюты, постоянные колебания курса русского кредитного рубля. Даже государственные займы заключались поэтому на очень невыгодных условиях. Поэтому император Николай II с самого начала своего царствования обратил внимание на необходимость урегулирования валюты. По признанию самого гр. С. Ю. Витте, тогдашнего Министра Финансов, на которого возложено было поручение обеспечить в России правильное золотое денежное обращение, *лично императору Николаю II* Россия была обязана приведением в порядок своей валюты. Сам Витте был в начале сторонником неразменных бумажных денег и даже провел новый устав Государственного банка именно в расчете на бумажное денежное обращение. В обществе стояли за биметаллизм и за серебряную валюту. Государственный Совет, куда внесен был проект реформы денежного обращения в смысле введения в России золотой валюты и фиксирования курса рубля по расчету 66 и 2/3 коп. золотом, проект этот отклонил. Только по воле государя и благодаря его настойчивости реформа была проведена помимо Государственного Совета отдельными Высочайшими указами, введенными сперва фактически, а затем и юридически в России золотую валюту. Для успешности реформы потребовалось накопление огромного золотого фонда, размер которого накануне войны, как указано уже выше, дошел до суммы свыше 1600 млн руб., не считая золота в обращении (свыше 400 млн руб.) и принадлежащей России за границей валюты, на сумму 500 млн руб. золотом.

Денежное обращение было столь прочным, что японская война не поколебала его вовсе, а война мировая поколебала очень слабо. Правда, денежная политика при императоре Николае II велась очень искусно и осторожно. Даже за 32 месяца войны было выпущено кредитных билетов только на сумму 8316 млн руб., тогда как Временное Правительство (после революции), за 8 лишь месяцев, выпустило их на 8918 млн руб. и тем страшно уронило курс рубля, до самой революции державшийся на очень высоком уровне. Большевики довели очень скоро этот курс до нуля.

Благодаря прекрасным финансам и вполне устойчивой валюте, правительству Николая II удалось заключить (до Мировой войны) разных государственных займов, большинство из которых на сооружение железных дорог, на громадную сумму почти 7 млрд р. (из коих, впрочем, 3700 млн р. явились займами конверсионными). Железнодорожных (гарантированных государством) займов было выпущено 2200 млн руб., ипотечных свыше 5000 млн руб., городских займов на 500 слишком млн руб. Значительная часть этих займов была выпущена за границей. В общем и среднем, до японской войны, процент по этим займам был ниже 4, после японской — несколько выше 5.

Во время Мировой войны кредит России до революции стоял очень высоко. Государство реализовало на 8 миллиардов руб. внутренних долгосрочных займов, с выручкой по ним 7528 млн руб. Займы были 5 и $5\frac{1}{2}\%$, что по обстоятельствам, конечно не может быть признано высоким процентом. Кроме того было размещено на 4000 млн руб. краткосрочных обязательств Государственного Казначейства (из 6%), не считая учтенных в Государственном банке. Наконец, около 7000 млн руб. золотом было предоставлено российскому императорскому правительству нашими союзниками на достаточно льготных основаниях (из 5–6%). Благодаря этой кредитоспособности, Россия могла вести войну, не расстраивая своих финансов и своего народного хозяйства. В начале революции русский кредит еще некоторое время держался по инерции, но быстро падал, а со времени пришествия к власти большевиков прекратился совершенно: отношение к ним всюду таково, как ко всякому злостному банкроту.

V

*Виновен ли император Николай II в революции?
Была ли революция необходима и неизбежна? Прогресс
Российской империи. Революционное движение служило ему
помехой. Вопрос о конституции. Роль представительных
палат при революциях. Вопрос об уступках Гос. Думе.
А. Д. Протопопов*

Россия при императоре Николае II быстро и неизменно прогрессировала во всех отношениях. Поклонники и творцы мартовской революции 1917 г., желая оправдать ее полнейшую неудачу и стараясь всячески отгородиться от октябрьской революции

того же года, (т. е. от большевиков-коммунистов), постоянно объясняют этот неуспех тем, что «революция запоздала», что ее «подготовило царское правительство, сделав несвоевременной, но в то же время неизбежной», что бунт вспыхнул вследствие нежелания русских самодержцев сделать вовремя народу необходимые уступки». Это было бы справедливо, если бы «самодержавии» установило в России мертвый застой, остановило бы всякий прогресс в стране, культурный и экономический, сделало бы положение ее безвыходным. Мы видим обратное. Культурный и экономический прогресс страны, начиная с основания Русской империи, т. е. со времени Петра Великого, был исключительным, можно сказать единственным в мировой истории. Из совершенно отсталого в культурном и экономическом отношении захолустного Московского царства, бедного и слабого, создалась величайшая и могущественнейшая в мире империя, с населением, самым многочисленным среди культурных государств, богатым и просвещенным. В области литературы, музыки, живописи, архитектуры, прикладных наук Россия заняла одно из первых мест в мире. России в XVIII веке удалось сломить могущество сильнейших тогда в военном отношении государств: Швеции и Турции и овладеть побережьями Балтийского и Черного морей.

В начале XIX столетия Россия могла победить самого великого Наполеона, шедшего против нее во главе всей Европы: В начале XX века России удалось, при самой неблагоприятной обстановке, остановить новое монгольское нашествие и стать твердою ногой на побережьях Тихого Океана и в безграничных степях, примыкающих к Китаю, а в эпоху мировой войны сломить, вместе с союзниками, могущество центральных империй, если бы не злополучная «мартовская революция», сведшая плоды русских военных усилий к нулю. Русские люди из бесправных подданных московских царей постепенно превратились в полноправных граждан Российской империи, со всеми необходимыми конституционными гарантиями. Крепостное право пало без малейших народных волнений и крепостные были освобождены на волю *с землю*, чего не было в других государствах.

Русский народ имел лучший в мире суд, лучшее местное самоуправление, превосходную администрацию, идеальную финансовую систему. Культурный и экономический прогресс, как показано выше, сделал особенно гигантский шаг именно при императоре Николае II. Этот государь даровал наконец России пра-

вильные представительные учреждения: Государственную Думу и Государственный Совет, оказавшие очень большое содействие правительству в его культурной работе. Между прочим, никогда так усиленно не развивалось народное просвещение, как именно при Николае II. Помимо двух новых университетов (в Саратове и Ростове) открыт был ряд великолепных политехникумов: в Петербурге, Киеве, Варшаве, Самаре, Омске и Новочеркасске, два новых сельскохозяйственных института, в Воронеже и в Харькове, высший горный институт (в Екатеринославе), ряд высших коммерческих и женских медицинских институтов, сотни новых средних учебных заведений, в том числе специальных технических, и десятки тысяч новых народных школ. Число последних превышало 130000, а число учащихся в них доходило до 10 млн детей. Был разработан план введения всеобщего обязательного народного образования, который должен был быть осуществлен сейчас же после войны. Бюджет народного просвещения вырос только с 1907 г. по 1913 г. (Думский период) с 76 млн руб. до 176 млн руб. (на 130%) не считая трат на народное образование со стороны органов местного самоуправления (как быстро рос бюджет этих органов подтверждают цифры бюджета нашего земства: в 1895 г. — 66 млн руб., в 1913 г. — 250 млн рублей).

При таких условиях спрашивается, зачем же была в России революция? Какая же могла быть ее цель? Что дать могла она русскому народу, который несомненно был счастливее и в массах своих богаче других народов? Когда при нормальной и очень быстрой эволюции русский народ в культурном и экономическом отношении прогрессировал с необычайной быстротой, небывалою в истории, и размножался сильнее, чем какой либо народ в мире?

Когда в России был суровый режим, царило крепостное право, не существовало никаких свобод, не было ни конституционных гарантий, ни надлежащего суда, ни местного самоуправления, не говоря уже о представительных учреждениях, когда еще очень слаба была культура и в широких массах царил бедность, и часто голод посещал Россию, тогда можно было говорить о революции, мечтать о ней. Но тогда все было тихо и спокойно, не было никакого революционного движения. «Молчали, бо благоденствовали», — как писал иронически Шевченко. Но с эпохой великих реформ императора Александра II, который вел их «сверху, предупреждая движение снизу», никем

не принуждаемый, по своей воле, с поистине царской широтой и размахом, пользуясь беспрепятственно своим самодержавием для ограничения прав привилегированных сословий, т. е. без той страшной политической борьбы, которую сопровождают всюду политические и особенно экономические реформы, — с этого времени начинается революционное брожение в России, осложняемое красным террором.

Революционное общество «Земля и воля» именно начинает тогда функционировать, когда крестьянство как раз получило с высоты престола эти самые землю и волю. Террор начинает тормозить правительственные реформы. Через него приостанавливаются и не вводятся конституционные гарантии в местностях, объявленных на положении чрезвычайной или усиленной охраны. Свобода печати сейчас же влечет за собою призывы к революции и к вооруженному восстанию, что заставляет правительство ограничивать и стеснять печать. Террор, приводивший к убийству верных слуг русских государей, дошедший до убийства самого царя-освободителя, лучшего монарха, какого знает не только наша история, дает возможность поднять голову реакции, заставляет остановить необходимые дальнейшие реформы, возможные только при правильном развитии политических свобод. И замечательно: с реакцией сейчас же прекращается в России и революционное движение (царствование Александра III, первые годы царствования Николая II, пока во главе правительства стояли старые деятели).

Но жизнь не может останавливаться из-за призрака возможной революции. Реакция ослабевает, либерализм входит в свои права, жизнь неудержимо начинает прогрессировать и снова создается благоприятная почва для революционной пропаганды.

Народное представительство. Сколько раз поднимался о нем вопрос и до Николая II и при Николае II, и решался всегда отрицательно. Его боялись. Страх этот был формулирован знаменитым К. П. Победоносцевым, влиятельным деятелем трех царствований. Победоносцев говорил, что *всякое* народное представительство, даже не ограничивающее верховной царской власти, *опасно* в смысле революции. Бунт всегда возможен. Русская история знает достаточно серьезных бунтов. Довольно вспомнить Разина и Пугачева. Не шуткою был и бунт декабристов. Но пока их некому возглавить, бунты не превращаются в революцию. Этот опыт был подтвержден и русским восстанием 1905 года. Но если

имеется выборное народное представительство, бунт, особенно военный, всегда может быть превращен в революцию: бунтовать будут во имя *народных* интересов, их естественно защищать *народному представительству*, — бунт легко им возглавляется, независимо от дальнейших следствий такого *возглавления*. Так было во Франции в 1789 г. (при *абсолютной* королевской власти), в 1848 и в 1870 гг. И так потом было всюду, где возникали народные волнения, — в Бразилии, Португалии, даже Китае. И так же, увы, произошло в России в 1917 году, когда солдатский бунт в Петербурге был возглавлен (на кратчайший срок) Государственной Думой самого, казалось бы, антиреволюционного, консервативного, «помещичьего», лояльного состава, «Столыпинской Думой третьего июля».

А по примеру России одним путем пошли революции в Австро-Венгрии, Германии, Турции, Греции... Были, следовательно, основания у русских императоров опасаться создания в России народного представительства. Оттого и «запоздала» русская революция. Представительные учреждения даны были в 1905 г. императором Николаем II весьма неохотно и лишь благодаря давлению гр. С. Ю. Витте и вел. кн. Николая Николаевича. Можно сказать, что Николай II *предвидел* печальную роль, которую эти учреждения сыграют в эпоху солдатского бунта в феврале-марте 1917 г. ...

Императора Николая II упрекают в том, что дарованная им конституция не была «искренней», что он не дошел до конца, не ввел ответственного кабинета, т. е. парламентаризма. Здесь уже идет чисто технический спор о *характере* конституции. Не везде же был парламентаризм. Его не было ни в Австро-Венгрии, ни в Германии, ни в Японии. Права Русской Государственной Думы были не меньшие, а во многих отношениях большие, чем в этих трех империях. Ответственного кабинета не знает и конституция С.-А Соединенных Штатов, где президент почти самодержец. Это не мешало процветать всем этим государствам и считаться государствами культурными, передовыми, конституционными. Почему же Россия должна была подражать Италии, Испании, Румынии, Греции, Швеции и т. д.*, но не Германии

* В Англии конституция была слишком своеобразной, исторически сложившейся, неосуществимой в России. Во Франции была республика, а не монархия: не здесь, следовательно, могли искать русские монархи образцы для русской конституции.

или Австро-Венгрии, что было гораздо естественнее для русских императоров? Говорят часто, что если бы Николай II в процессе мировой войны согласился на ответственный кабинет, не было бы и самой революции. В этом позволительно усомниться. Император Вильгельм II, для спасения своего престола, именно пошел на эту уступку своему Рейхстагу, но опыт оказался бесцельным и революция тем была только ускорена.

Государственная Дума, возглавив революцию, не только не сумела удержаться у власти, как сумела Французская Палата в 1870 г., при низложении Наполеона III, но вместо ответственного кабинета, за который боролась при царе, создала *безответственную диктатуру* и... самоупразднилась. С тех пор в России одна диктатура сменялась другой, но никакого народного представительства создать не удалось, никакой конституции, никакого парламентаризма. После такого замечательного опыта странно и до сих пор упрекать Николая II, что он не предотвратил революции учреждением ответственного перед Государственной Думой кабинета. Это учреждение, конечно, только ускорило бы революцию, причина которой отнюдь не лежит в отсутствии в России парламентаризма. Не надо забывать, что наше плохо воспитанное политически общество, его «передовые» круги, еще со времени Герцена, мечтали вовсе не о парламентаризме («буржуазный предрассудок»), а о *социалистической* революции, о диктатуре пролетариата, о «черном переделе», об уничтожении «буржуазно-капиталистического» строя и с презрением называли французскую революцию «мещанской». *Такая* именно революция и осуществилась в России со всеми неизбежными следствиями, т. е. с установлением вместо свободы и правового порядка анархии и произвола и с разрушением всех культурных и материальных ценностей, созданных старым режимом.

Николай II всячески шел навстречу народному представительству и пытался ввести членов Государственной Думы и выборных членов Государственного Совета в состав правительства. К сожалению, выбор был ограниченный и не привел к улучшению правительства. Из выборных членов Гос. Совета привлечены были: А. Д. Самарин, кн. Н. Б. Щербатов, и А. Н. Наумов и из Гос. Думы: А. Н. Хвостов, кн. В. М. Волконский, гр. А. А. Бобринский и А. Д. Протопопов. Государь особенно рассчитывал на А. Д. Протопопова, как товарища председателя Государственной Думы и председателя «прогрессивного блока» Гос. Думы, образованного

во время войны специально для поддержки правительства. Представители русского парламента незадолго перед тем объезжали союзные государства, отдавая визиты западным парламентским деятелям. Во главе русской депутации стоял именно А. Д. Протопопов, представлявший, между прочим, английскому и итальянскому королям и произведший на них самое благоприятное впечатление. Оба короля (находившиеся в личных дружеских отношениях с императором Николаем II) в особых письмах уговаривали государя поставить во главе правительства именно А. Д. Протопопова, как либерального политического деятеля, популярного (как они предполагали) в русских парламентских кругах, в угоду общественному мнению, как России, так и союзных с ней государств. О том же писали из Англии и государыне Александре Федоровне.

Не надо забывать, что А. Д. Протопопов действительно считался либералом (его брат был известный писатель-народник) и организовал в то время большую «прогрессивную», т. е. левого направления, газету «Русская воля», при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова, первоклассного радикального публициста, прославившегося своим памфлетом: «Господа Обмановы», направленным лично против императора Николая II. Что же удивительного, если государь, лично нерасположенный к Протопопову и не разделявший о нем общего мнения, согласился на назначение его Министром Внутренних Дел, именно предполагая, что он делает шаг для сближения с Государственной Думой? И вот, до сих пор распространяется анекдот, что Протопопова «назначил» Распутин. Можно подумать, что Распутин выбрал его в Государственную Думу, в Думе выбрал его товарищем председателя и председателем прогрессивного блока и поставил его во главе русской парламентской депутации, отправленной в Западную Европу, ибо иначе Протопопову нельзя бы было попасть в министры внутренних дел. На такие посты при русских царях с улицы никого не назначали ни под какими «безответственными влияниями».

Конечно, Протопопов, очень ловкий человек и обладавший редким искусством приобретать у всех к себе личное расположение, сумел понравиться и императору Николаю и государыне Александре Федоровне и даже «старцу Григорию», пользовавшемуся известным влиянием на государыню. Но министром он оказался плохим, как и почти все наши «общественные деятели»,

приглашавшиеся на высшие административные посты при императорах и занявшие их после революции. К тому же начали обнаруживаться следствия его странной болезни, прогрессивного паралича мозга.

Наконец Гос. Дума, а за нею и громадное большинство русского общества и печати (в том числе и созданная самим Протопоповым газета) сразу обрушились на Протопопова за то, что он «осмелился» войти *один* в Совет министров, без *общего* «думского кабинета» и государь, желавший этим назначением сделать удовольствие народному представительству*, навлек на себя, наоборот, общие нарекания, несомненно способствовавшие поддержанию в стране революционного настроения. С Протопоповым надо было расстаться и вопрос этот был уже решен. Министром внутренних дел предполагалось назначить одного из популярных генералов (государь лишь колебался в выборе). Но грянула революция и Протопопов, конечно, оказался далеко не на высоте в деле поддержания порядка при начавшемся восстании. Назначение оказалось до известной степени роковым, но вина ли была в этом государя? Не было ли большей вины со стороны тех, которые в эпоху грозной мировой войны, вместо помощи государю, только критиковали его и «бросали палки под колеса» государственной машины.

IV

*Сотрудники императора Николая II. Их выбор.
Вопрос о безответственных влияниях. Григорий Распутин.
Две смены министров. Легенда о «сепаратном мире»
и об измене*

Вообще государя упрекали, что он не умеет подбирать себе сотрудников, слишком в этом выборе руководится посторонними влияниями «играет в министерскую чехарду» (крылатое слово В. М. Пуришкевича). Доля истины здесь, конечно, есть, но ошибки при назначениях и «посторонние» влияния неизбежны при всяком режиме и при всяких государях. Состав русского правительства вовсе не был плохим при Николае II, и в общем выдающихся сотрудников он находить умел. Русское правительство

* Об этом свидетельствует английский посол Бьюкенен на основании личной беседы с Государем.

при нем было не хуже, чем при его предшественниках и часто лучше, чем в Зап.-европейских государствах с их парламентаризмом или без парламентаризма. Такие министры иностранных дел, как кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, А. П. Извольский, С. Д. Сазонов и Н. Н. Покровский, встречаются не каждый день, им завидовали и в Англии, и во Франции, и в Германии. Их политика была удачной, иногда даже блестящей. Превосходными министрами финансов были С. Ю. Витте и В. Н. Коковцев. Они также были очень известны в Зап. Европе и весьма популярны. Русские финансы они вели прямо блестяще, создали идеальную финансовую систему в России, подняли на громадную высоту русский государственный кредит. Это факт бесспорный. Хорошим министром оказался и П. Л. Барк, назначенный накануне мировой войны. В области внутренней политики очень выдавались И. Л. Горемыкин (блестящий знаток и деятель в сфере крестьянского вопроса), П. Н. Дурново (покончивший так удачно с революционным движением 1905–1906 гг.), наконец П. А. Столыпин. Необходимо еще отметить А. С. Ермолова, А. В. Кривошеина, А. Н. Наумова, А. А. Риттиха, министров земледелия, превосходных знатоков земельного вопроса, выдающихся деятелей в сфере землеустройства и земледелия. Нельзя не вспомнить К. П. Победоносцева и И. Г. Щегловитова, о деятельности которых «левые» круги не могут говорить до сих пор без зубовного скрежета, но которые отличались исключительными дарованиями, государственным умом и редким образованием. Самая ненависть к ним показывает, насколько велики их заслуги по борьбе с надвигавшейся коммунистической революцией, приведшей Россию к гибели.

Невозможно перечислить всех выдающихся лиц, занимавших высшие административные посты при императоре Николае II, но было бы несправедливым не вспомнить еще о деятелях, приведших в порядок нашу рельсовую сеть, о деятелях на почве народного просвещения. Такими именами, как кн. Хилков, Шауфус, С. В. Рухлов, Э. Б. Войновский-Кригер (министры путей сообщения), проф. Боголепов, Зенгер, Шварц, гр. П. Н. Игнатьев (министры народного просвещения) могла бы гордиться любая страна. Но русские привыкли хвалить все чужое, свое же только хулить.

Очень часто ставилось в упрек императору Николаю II, что он в своих назначениях, особенно во время войны (в «эпоху министерской чехарды») руководствовался советами импера-

трицы Александры Феодоровны, находившейся под влиянием «старца Григория». Анекдот этот распространен и до сих пор. При издании переписки государя с государыней редактор даже отмечает в некоторых местах совпадение в назначениях с рекомендациями государыней в ее письмах. Здесь некоторое искажение истины, всего чаще не вся истина. Прежде всего чрезвычайно преувеличено влияние Распутина. Сама легенда о Распутине раздута до нелепых размеров, явно с целью дискредитировать покойного государя. Теперь, когда опубликовано столько данных о Распутине и настало уже время для объективной оценки ныне уже столь далеких событий, необходима большая осторожность в суждениях о них и большее беспристрастие.

Распутин пользовался большим влиянием в тех сферах, где вращался, еще до знакомства с ним государя. Он вовсе не был ни в каком периоде своей жизни ни вором, ни конокрадом, ни даже «распутником», как повторяет о нем легенда. Был он из зажиточной, даже богатой сибирской семьи, так что не для чего было ему воровать вообще, а тем более лошадей, за что наше крестьянство так жестоко расправляется с ворами. Фамилия «Распутин» вовсе не означает прозвище «распутник», — это последнее слово книжное, а не народное. «Распута» значит человек, умеющий распутать всякое дело, прозвище скорей почетное, каковым и пользовался отец или дед Григория Распутина. Григорий был женат, имел детей, был хорошим семьянином. Не был и сектантом, тем более «хлыстом», как пустил легенду о нем в свое время известный публицист, очень талантливый и честный, И. А. Гофштетер. Не мог быть он сектантом уже потому, что был человеком неграмотным, очень поздно научившимся с трудом читать и писать, плохо знающим Священное Писание. Русские же сектанты — все начетчики. Он был просто «богоскателем», странником по наклонности, любившим посещать святые места; между прочим, был он и в Иерусалиме, у гроба Господня. Это опять-таки не признак сектантства. Григория очень любили такие высокой репутации деятели православия, как епископ Гермоген Саратовский и еп. Феофан, ректор Петербургской Духовной академии, духовник царской семьи. Они же и ввели Григория в круг высшего петербургского общества, в те сферы, которые интересовались и увлекались религиозными вопросами. Довольно сказать, что еще до государя Григорий

был «своим человеком» и очень почитался в таких безусловно безукоризненных семьях, как семьи великих князей Николая и Петра Николаевичей.

Что же удивительного, что с Григорием, молва о религиозном подвижничестве которого шла по всему Петербургу, пожелали познакомиться государь Николай II и государыня Александра Феодоровна, всегда несколько мистически настроенные, любившие «божьих людей», склонные даже к «оккультизму» (отсюда увлечение известными оккультистами Папусом и Филиппом)? Это знакомство относится к 1908–1909 гг. Григорий жил тогда очень скромно у известного литератора Г. П. Сазонова, бывшего редактора-издателя газеты «Россия», запрещенной при Плеве за известную статью А. В. Амфитеатрова, — жил с женой и дочерью, которая училась в одной из гимназий. Ни о кутежах, ни о пьянстве (Григорий тогда ничего не пил) ни о «распутстве» знаменитого «старца» тогда не могло быть и речи. Григорий произвел самое хорошее впечатление в царской семье. Ловкий, очень неглупый, бывалый, сметливый мужик, конечно, был совершенно новым, свежим явлением в замкнутой, до известной степени даже затхлой «царской» обстановке, среди круга все одних придворных и чиновных лиц. Он был интересен просто, как собеседник, как представитель иного, чуждого дворцовым сферам, мира, выразитель мнения безусловно новой и интересной для царя крестьянской среды. Когда один из министров на своем докладе стал доказывать государю опасность приближения к нему Григория и необходимость его удаления в виду невозможных слухов, циркулирующих в обществе, и возбуждения общественного мнения, государь только спросил его, имеет ли он знакомства помимо своих чиновников, а на ответ министра, что конечно имеет, с своей стороны сказал: «И я имею». Нравился Григорий и маленькому наследнику-цесаревичу, который всегда называл его «Новый», почему государь приказал Григорию сменить его фамилию «Распутин» на фамилию «Новый», а все не «Новых», как почему то неизменно повторяется в нашей печати.

«Влияния», конечно, Григорий добился не сразу. Оно установилось под впечатлением целительной силы Григория, примененной им к страшной и неизлечимой болезни несчастного цесаревича, а также и к самой государыне, страдавшей невыносимыми головными болями и бессонницей. Григорий

мог останавливать те кровотечения, которыми страдал цесаревич (гессенская болезнь), силою гипнотического внушения. Тем же внушением прекращал он нестерпимые головные боли у государыни и давал ей благодатный сон. Внушения свои Григорий делал, неизменно призывая имя Божие. Давались они ему нелегко, так как, человек невежественный, Григорий мог утилизировать свою природную огромную гипнотическую силу самым примитивным образом, чрезвычайно истощая себя самого. Мистически и религиозно настроенной государыне (в числе предков которой была и известная Елисавета Венгерская, доходившая до пределов высокой экзальтации, не говоря уже о других соответствующих наследственных элементах), естественно Григорий стал представляться «божьем человеком», посланным свыше для спасения горячо любимого единственного ее сына, болезнь которого не поддавалась лечению научной медицины. Для утверждения такого мнения о нем Григорий вел постоянно «божественные» беседы, рассказывал о своих странствиях по святым местам, о происходящих там чудесных исцелениях и т. д.

Зная только эту сторону жизни Григория, наглядно убеждаясь в его целебной силе, естественно государыня никогда не верила «наветам» на «божьего человека», когда ей сообщали о его кутежах и о безобразном поведении. Между прочим, до сих пор распространена легенда, твердо закрепленная печатью, что Распутин совершал свои «исцеления шарлатанским способом, при содействии своей поклонницы, фрейлины А. А. Вырубовой. Вырубова-де давала наследнику потихоньку (!) порошки из оленьего рога (печать проникла даже, в тайну рецепта «порошка»), приготовленные тибетским врачом Бадмаевым, отчего у бедного мальчика немедленно начиналось кровотечение. Затем приглашался Григорий, что-то шептал над наследником, после этого Вырубова прекращала давать порошки и кровотечение прекращалось: создавалась легенда об исцелении. Кто знает о неусыпном надзоре самой матери, не говоря уже о надзоре врачебном за цесаревичем, поймет полную невозможность питания его какими то неведомыми порошками вне ведения государыни и врачей.

Но не понятно, как кто бы то ни было мог оказывать доверие подобному вздору, когда чересчур даже было и раньше, не говоря уже о настоящем времени, известно, какую болезнью страдал

цесаревич, истекавший постоянно кровью, конечно, и без помощи «порошков». И неужели невежество столь велико, что факт останавливания кровотечения «заговором», многими даже простыми знахарями, не говоря уже о врачах-гипнотизерах и об индийских йогах и факирах, является столь неведомым, что понадобилась легенда о «порошках»?

Распутин был удален из Петербурга в 1912 г. и возвратился лишь после известного несчастного случая с цесаревичем в Спале, вызванный государыней в отчаянии за жизнь сына. Цесаревич был исцелен. Сам едва избежавший смертельной опасности (покушение Гусевой), Григорий резко изменился. Он не остановился у своего «друга» Г. П. Сазонова, а нашел самостоятельную квартиру. Переехал он с семьей. Возвратился он в «силе и славе». Его окружила толпа поклонников и прихлебателей, «чающих движения воды». Григорий вдруг бросил свой трезвый образ жизни. Настоявши перед государем на отмене казенной продажи питей и воспрещении потребления спиртных напитков (в начале 1914 г.), сам Григорий запил. Он бросился в море кутежей и разврата. Средства ему давали разные сомнительные дельцы, требовавшие у него разных «протекций» для ловли рыбы в мутной воде военного тыла. Это, действительно, печальная картина тогдашней петербургской жизни.

О значении, силе, влиянии Распутина ходили настоящие легенды, безмерно преувеличенные. Их поддерживал сам Григорий своим бесстыдным пьяным хвастовством (а все говорили: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»). Находились даже министры, не говоря уже о низших чинах, которые по запискам Григория действительно оказывали кое-какую протекцию, предоставляли кое-какие льготы разным просителям. Это большею частью были дела мелкие: просьбы о помиловании, об освобождении от воинской повинности, об отправке просителя с фронта в тыл, о каком-нибудь небольшом подряде, о назначении на какие-либо должности и т. д. Некоторые лица стали влиять на Распутина, чтобы он «хлопотал» о назначении такого или иного крупного лица, даже на должность министра. При той страшной политической борьбе, которая шла в Петербурге в эпоху мировой войны, накануне революции, неудивительно, что пускались в ход всякие влияния, даже самые предосудительные. Но утверждение, что Распутин назначал министров и смещал их по своему желанию нелепая и злостная ложь.

Во время войны произошло две смены министров. Первая была произведена в угоду общественным кругам, вопреки давлению «реакционных» или консервативных сфер, которые находили поддержку в государыне. Государыня была против этой смены и ссылалась в своих письмах к государю и на мнение Григория. Однако император Николай *не внял этим советам* и, следовательно, смешно говорить о «влияниях» при тех или иных назначениях. Н. А. Маклаков был заменен кн. Н. Б. Щербатовым, В. А. Сухомлинов — А. А. Поливановым, В. К. Саблер — А. Д. Самариним, И. Г. Щегловитов — А. А. Хвостовым. Если можно было говорить здесь о «влиянии», то о влиянии М. В. Родзянки и А. В. Кривошеина, но не о влиянии государыни, тем более «старца Григория».

Вторая смена произошла вследствие протеста большинства Совета министров против взятия на себя государем верховного командования армией. Почти весь Совет министров подал в отставку, которой государь не принял, но сказал, что заменит *всех*, подавших в отставку, в свое время по ходу дел. Почти все министры эти были уволены, *но не все*. Напр., до конца остался на своем посту П. Л. Барк, хотя государыня очень рекомендовала заменить его гр. В. С. Татищевым: государь очень дорожил Барком и был вполне доволен его деятельностью, — здесь не было никаких «влияний», было личное убеждение государя. А. Д. Самарин был заменен А. Н. Волжиным (но не ген. Шведовым, на котором настаивала государыня), весьма враждебно относившимся к Распутину. А. А. Поливанов был заменен ген. Шуваевым, совершенно независимо от рекомендации государыни, которая и не знала ген. Шуваева. А. В. Кривошеина сменил А. Н. Наумов, несмотря на настоятельные возражения государыни. А затем замена А. Н. Наумова гр. А. А. Бобринским и гр. Бобринского А. А. Риттихом решительно никакого отношения к рекомендациям государыни не имели (она относилась к гр. Бобринскому даже враждебно, считая его, по недоразумению, «либералом»). С. В. Рухлов был заменен А. Ф. Треповым, которого государыня также не любила (С. В. Рухлов ушел по болезни), и А. Ф. Трепов — впоследствии Э. Б. Войновским. Все назначения были очень удачными. То же можно сказать о назначении А. А. Макарова вместо А. Н. Хвостова и Н. Н. Покровского вместо П. А. Харитоновна. Назначение Н. К. Кульчицкого на место гр. П. Н. Игнатьева (министром нар. просв.) состоялось уже после смерти Распутина.

Всего больше подчеркивают влияние государыни, и косвенно Распутина, в назначении А. Н. Хвостова и Б. В. Штюрмера. Но здесь чистое недоразумение. Член Гос. Думы, лидер фракции правых, бывший нижегородский губернатор, А. Н. Хвостов, славившийся своей энергией и лично хорошо известный государю (не государыне), был давним и очень подходящим кандидатом на пост министра внутренних дел еще со времени убийства П. А. Столыпина. «Старец Григорий» здесь ни при чем. О самом существовании А. Н. Хвостова и о желательности его кандидатуры он узнал от своего «друга» Г. П. Сазонова, но при личном знакомстве Хвостов Григорию не понравился. (Хвостов, человек с огромными связями, не стал, конечно, заискивать в каком то «мужике».) В письмах своих к государю государыня очень настаивала на кандидатуре А. Н. Хвостова, но государь оставлял ее просьбы без внимания, дорожа кн. Н. Б. Щербатовым и считаясь с мнением И. Л. Горемыкина, который имел своим кандидатом Г. Нейдгарда. Только после категорического отказа Нейдгарта и нежелания кн. Щербатова оставаться на своем посту, государь согласился на кандидатуру Хвостова, поддержанную на этот раз и Горемыкиным.

Следовательно, можно только говорить о влиянии Горемыкина, но ни о чем другом. Между прочим А. Н. Хвостов оказался злейшим врагом Распутина и был первым организатором его убийства. Б. В. Штюрмер пришел на смену И. Л. Горемыкина. Замена, конечно, была неудачной, но, уж понятно, государыня, а тем более Распутин, были здесь ни при чем. Государыня чрезвычайно ценила и уважала Горемыкина, Распутин пред ним благоговел, называя его не иначе, как «премудрым старцем». Если бы влияние государыни было столь серьезным, как это обыкновенно утверждают, то Штюрмер не заменил бы Горемыкина и затем не был бы очень скоро сам заменен А. Ф. Треповым (несмотря на свои блестящие дипломатические успехи при отстаивании русских интересов перед союзниками), которого государыня буквально «не переваривала». Вообще государыня в своей переписке с государем «заваливает» его своими советами. Многие из них очень дельные и разумные, другие, иногда ребячески наивны, показывая полное незнание государыни с обстановкою, с политическим положением России и с теми людьми, о которых она хлопочет. При таких условиях влияние ее на государя могло быть только незначительным, несмотря на всю любовь к ней государя, как к супруге...

Пришлось немного дольше остановиться на вопросе о «влияниях», чтобы хотя несколько рассеять нелепую легенду, сплетенную вокруг царя-мученика, столь самоотверженно, удачно и честно несшего свой тяжелый и неблагодарный долг русского императора. Другая легенда, умышленно создававшаяся теми, кто готовил революцию, а с нею гибель России, это о желание Николая II, под влиянием все той же государыни и пресловутого Распутина, и при помощи Штюрмера и «правых», заключить сепаратный мир с Германией. Открыто впервые с этим обвинением в измене против государыни и Штюрмера выступил в Гос. Думе 1 ноября 1916 года П. Н. Милюков, пользуясь своей депутатской неприкосновенностью. Вторым выпадом было убийство Распутина (под тем же предлогом измены) также лицами, могшими рассчитывать на свою безнаказанность (они и не подверглись наказанию). Под этим лозунгом готовилось революционное выступление (был даже *военный* заговор против государя, во главе коего стоял ген. Крымов, впоследствии ведший «дикую дивизию» против Керенского).

Нелепое и ложное обвинение руководило требованием Гос. Думы об отречении государя. По отречении, Временным правительством была учреждена Верховная комиссия для расследования вопроса об измене. Предполагалось, что она «разоблачит» всех столь «ненавистных» деятелей, которые, кстати, и были арестованы. И что же? Несмотря на весьма «левый» состав Комиссии, несмотря на ее полное пристрастие, выяснилось с полной очевидностью, что не только государь и государыня, но даже Штюрмер, Щегловитов, Протопопов и, наконец, сам Сухомлинов ни в какой мере не повинны ни в измене, ни в переговорах с Германией, ни в поисках (или хотя бы желании) сепаратного мира. Напротив, «революционная демократия» тотчас же по низложению царя и его правительства потребовала этого сепаратного мира сперва «без аннексий и контрибуций», на условиях самоопределения народов, а затем и на какого угодно рода условиях, лишь бы мир, хотя бы «похабный» (таковой и был заключен в Брест-Литовске). Самый знаменитый солдатский бунт в Петербурге, положивший начало революции, шел именно под лозунгом нежелания солдат идти в окопы.

Что же, была рассеяна легенда о стремлении Николая II и его сотрудников к заключению сепаратного мира? Нет. Государь, после отречения, написал чудесный приказ войскам, призывал

их быть верными Родине и союзникам и бороться с врагами до победного конца. Временное правительство не допустило опубликования этого приказа, как опровергающего ложь этого правительства. Опубликованы были материалы Следственной комиссии, из которых было ясно, что обвинение государя, государыни, Штюрмера, Протопопова и т. д. являлись ни на чем необоснованными, вернее всего пущенными в ход германским шпионажем? Нет, они были скрыты. Несчастный Сухомлинов был отдан под суд и осужден, хотя суд не нашел против него никаких улик, — осужден под угрозами бунтующей солдатчины, явно желавшей оправдать этим приговором свой собственный бунт и совершенно уже очевидную измену.

До сих пор еще пишут и пишут о «заговоре правых» против России, о какой то шпионской германской организации, которая действовала через Распутина, министра Протопопова и банкира Мануса (кстати расстрелянного впоследствии большевиками, которые сами именно и были германскими агентами). Шпионская германская организация была, конечно, но она действовала *не через правых, а исключительно через левые круги*, создавая с их помощью революцию и подготавливая низложение с престола Николая II, победившего Германию и готовившего ей не особенно приятную участь. Государыня (англичанка по воспитанию) ненавидела воинствующую Германию и особенно Вильгельма II, которого считала своим личным врагом.

Так пишется история. Но нет истины, которая в свое время не обнаружилась бы. Она уже обнаруживается при свете «блестящих достижений» великой социалистической русской революции. Среди нынешнего мрака, поглотившего несчастную Россию, после того моря унижений, которые она пережила, после всех неслыханных в мировой истории потрясений, злодейств и неудач, наблюдая полное бессилие и бездарность революционной демократии при попытках создания какого то «нового порядка», особенно ярким светом сияет образ замученного в Екатеринбургской тюрьме императора Николая II, а его царствование представляется недостижимым идеалом совершенства, приблизиться к которому тщетно пытаются нынешние правители С. С. С. Р., — бывшей Российской империи, — вечно доказывая, что в том или другом отношении они приблизились, наконец, к «довоенной» (им не хочется сказать «дореволюционной») норме...

VII

Отречение. Почему император Николай II не оказал надлежащего сопротивления революции? Общая измена. Параллель с отречением Наполеона I в 1814 году

Император Николай II слишком быстро, без борьбы отрекся от престола и, так сказать сдал свои позиции. Тогда, в марте 1917 г., его решение принято было с общим восторгом. Одни (революционеры и бунтовщики) радовались, что бунт и революция оказались безнаказанными и увенчались блестящим успехом. Другие, — огромное большинство рядовых обывателей и пламенных патриотов, — были довольны, воображая, что с отречением Николая II и передачей престола его брату Михаилу революции и бунту конец и все пойдет по-старому: переменится только император. Значит, не революция, не страшный русский бунт, бессмысленный и беспощадный, а просто дворцовый переворот. Только очень немногие понимали, что отречение императора Николая II под давлением бунтующей солдатчины и революционного движения, руководимого в самый опасный момент войны германским генеральным штабом, ставит Россию на край гибели. *Теперь* это ясно для всех. *Теперь все*, кроме, конечно, революционеров, отлично понимавших тогда и понимающих теперь, что без отречения Николая II революция никогда не удалась бы, шлют задним числом упреки покойному императору, что он «не выказал достаточно мужества», не поборолся за свой престол, пошел на уступки. Вспоминают императора Николая I, прадеда императора Николая II, который, мужественно и с опасностью для жизни лично принял командование над оставшимися верными ему войсками и подавил страшный военный «декабрьский» бунт, возглавленный гвардейскими офицерами, и тем спас престол и Россию от ужасов революции и гражданской войны.

Забывают обстановку, среди которой пришлось действовать императору Николаю II, забывают ход событий, поведение лиц, окружавших императора. Правительству императора Николая II, конечно, надо поставить в упрек, что оно не приняло достаточных мер к охране Петербурга и Москвы от возможного и ожидавшегося революционного выступления. Столицы были переполнены призванными в войска новобранцами, которые заранее были распропагандированы, не были дисциплинированы и вообще ничего общего не имели с регулярной армией. Это был вооруженный

сброд, не желавший идти в окопы, будущие «чудо-дезертиры». А между тем они считались «войсками», на них рассчитывали, на случай революции, для подавления беспорядков. В столицах не было ни одного кадрового полка настоящей армии. А между тем вся гвардейская кавалерия, очень мало тронутая в боях, стояла на юге (на Румынском фронте), где ей решительно нечего было делать. Была «дикая дивизия», которую благоразумные и дальновидные генералы (см. «Воспоминания» ген. Половцева) предполагали превратить в корпус, вполне надежный для борьбы с революцией. Имелись и надежные казачьи полки, но опять-таки на фронте, где они были, в условиях окопной войны, также почти бесполезны.

Почему столицы не охранялись? Почему в самой Ставке не было надежных войск? Было ли это преступной небрежностью или умышленным попустительством? Трудно даже теперь дать на это ответ. Государь лично понимал всю опасность, грозящую столицам. Он обращался незадолго до революции к генералу Келлеру, преданнейшему ему человеку, с просьбой принять командование Петербургским военным округом и перевести с собою гвардейские части для охраны столицы. Недальновидный Келлер ответил «мольбою» оставить его и гвардейские части на фронте («прошу, как милость», — писал ген. Келлер). Конечно, быть на фронте во время войны много приятнее, чем охранять порядок внутри страны — драться с неприятелем гораздо почетнее и выгоднее, чем подавлять революционные выступления рабочих и солдатский бунт. Всем было памятно, как русское общество поблагодарило ген. Мина и Семеновский полк за усмирение бунта в Москве (1905 г.) и спасение России от революции и гибели. На жертвенный подвиг способен не всякий. Государь не хотел насиловать волю своих генералов, да и правильно думал, что насильно назначенный на столь ответственный и неблагодарный пост генерал плохо и выполнит свой долг. Образованию «дикого корпуса» определенно помешал штаб государя. И охранять столицы осталась одна полиция.

Полиция, усиленная собранными из окрестностей Петербурга конными стражниками и снабженная пулеметами, осталась преданной государю до конца. Ее трупами устлано и кровью полито победное шествие «бескровной» русской революции. Но полиция не может без войска подавить вооруженное восстание широких народных масс. Тем более не могла она подавить солдатский

бунт. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов не верил в успех революции и твердо верил в надежность войск Петербургского гарнизона. Твердо рассчитывал на верность войск и Командующий округом ген. Хабалов, не подготовивший поэтому и не использовавший для подавления беспорядков безусловно надежные силы военных петербургских училищ и не вытребовавший для себя с фронта ни одной надежной кадровой части, не сгруппировавший хотя бы множества находившихся в столице раненых и отдохавших офицеров и кадровых гвардейских солдат. Солдатский бунт застал правительство совершенно врасплох, — его не ожидали. Врасплох застал этот бунт и Государственную Думу и даже самых революционеров (из тех, которые считали себя во главе движения, не будучи во главе на самом деле: головой были германские агенты).

Как отнесся к революционному движению и к солдатскому бунту император Николай II, находившийся в это время в Ставке и удаленный от своей семьи, оставшейся как бы в залоге революционерам в Царском Селе? Он нисколько не растерялся и отдал соответствующие распоряжения. Сперва он снабдил особыми полномочиями (диктатура) Председателя Совета министров кн. Н. Д. Голицына, с приказанием немедленно и во что бы то ни стало подавить восстание. Понимая, однако, что правительство, лишненное войск, не в силах подавить бунт, государь отправил вслед единственную находившуюся в его личном распоряжении, как его собственная охрана, надежную часть (георгиевский батальон) под командой, казалось, наиболее преданного престолу ген. Н. И. Иванова, в Царское Село для охраны царской семьи и для возглавления всех сил, назначенных для подавления восстания. Одновременно государь отдал через начальника своего штаба ген. Алексеева приказ штабу Главнокомандующего Северным фронтом ген. Н. В. Рузского отправить в Петербург, для подавления беспорядков надежные части во главе с наиболее решительным генералом. Штаб Северного фронта сообщил, что такие части есть и что приказание будет немедленно и в точности исполнено. Сам государь без всякой охраны, смело и решительно, выехал из Ставки по направлению к Петербургу, чтобы лично принять меры к прекращению начавшегося ужаса и развала. Что мог император сделать большего? Где здесь растерянность, малодушие, слабость?

Растерянность, малодушие, трусость, недалекновидность обнаружило окружение государя, обнаружило, скажем прямо, все русское

общество, почти без всякого исключения. Государственная Дума, не имевшая никакого отношения к революционному движению, была вынуждена под давлением бунтующей солдатчины «возглавить революцию». «Сделали-таки меня революционером», — восклицал в отчаянии потерявшийся М. В. Родзянко. Русские «общественные деятели» вообразили, что они смогут страшный бунт ввести в какое-то русло, начинающуюся социальную революцию и беспримерный развал и анархию превратить в спокойный «дворцовый переворот». Всем казалось, революционное движение направлено лично против императора Николая II, что стоит ему отказаться от престола в пользу сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича, и все войдет в норму, — солдаты успокоятся, фронт не будет развален, война будет продолжаться. Пропаганда, ведь, перед революцией, действительно была направлена почти исключительно лично против государя и особенно против государыни Александры Феодоровны. Им лично приписывались все беды, обрушившиеся на Россию. Императрицу открыто обвиняли в измене. Государю приписывали желание заключить сепаратный мир. Наивные русские «патриоты» серьезно думали, что солдаты взбунтовались именно в виде протеста против этого мира. И вот от императора Николая II потребовали *жертвы*, которую он должен был принести *ради России*, ради ее блага.

Эта точка зрения с необычайной быстротой была усвоена всеми... Под влиянием телеграммы М. В. Родзянки из Петербурга она была усвоена и высшими военными кругами. Ее разделял даже ген. М. В. Алексеев, наиболее близкий государю человек, наиболее им обласканный и возвышенный. Незадолго до революции к лечившемуся в Крыму ген. Алексееву приезжала депутация общественных деятелей для совещания о низложении государя. М. В. Алексеев, конечно, отверг эту злосчастную и преступную мысль, но ничего о заговоре не доложил государю и никаких мер к охране государя не принял. Едва началась революция, ген. Алексеев стал уговаривать государя отказаться от престола в интересах сохранения династии и армии. Именно он предложил государю разослать запросы Главнокомандующим фронтами по поводу необходимости отречения, причем в этих запросах (по телеграфу, от 2 марта 1917 г.) подсказывался и ответ: «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения». И это вместо того, чтобы спешно подавить (как приказывал государь) далеко еще не грозное восстание недисциплинированных новобранцев.

Государь согласился на запрос, вероятно, в тайной надежде, что главнокомандующие дадут ответ отрицательный и выразят готовность немедленно идти с верными войсками на поддержку своего императора, которому они были всем обязаны. Но главнокомандующие, *все без исключения*, дали решительный ответ: немедленное отречение.

Великий князь Николай Николаевич телеграфировал: «Считаю необходимым по долгу присяги коленопреклоненно молить Ваше Величество спасти Россию и Вашего Наследника. Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследство. *Другого выхода нет*». Ген. Брусилов, герой наступления 1916 г., писал: «Единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом — отказаться от престола». И так же ответили: Главнокомандующий Западного фронта ген. Эверт, Главнокомандующий Румынским фронтом ген. Сахаров и Северным — ген. Н. В. Рузский, а ген. М. В. Алексеев скрепил: «Ваше Величество горячо любите Родину и ради ее целостности, независимости, ради достижения победы соизвольте принять решение, которое может дать *мирный и благополучный исход* из создавшегося, более, чем тяжелого положения», т. е. отречься от престола. При этом все генералы докладывали, что войска ненадежны и рассчитывать на них нельзя.

Что оставалось делать государю? Он понимал всю ошибочность точки зрения своих советников, но не мог идти один, против всех, без всякой поддержки. Его положение было бесконечно хуже положения императора Николая I в пору декабрьского бунта. Николаю I оставалась верна большая часть петербургского гарнизона: бунтовала в сущности горсть офицеров и солдат. Никакой войны не было. Бунт подавить было нетрудно, и он был подавлен. Императору Николаю II никто не остался верным, изменил ему собственный конвой. Даже ген. Н. И. Иванов, на которого так государь рассчитывал и которому так верил, как видно из теперь опубликованных документов, и тот весьма легко и охотно отрекся от своего государя. И Николай II, записав в своем дневнике: «кругом измена, предательство», вынужден был послать телеграмму М. В. Родзянке о своем согласии на отречение.

В подобных, приблизительно, обстоятельствах отрекся от престола, 3 апреля 1814 г., условно, в пользу сына, а 6 апреля окончательно, и Наполеон I: «Так как союзные державы объявили

Наполеона *единственным препятствием* для восстановления мира в Европе, то он отрекается от престола за себя и своих наследников, ибо *всякую личную жертву и самую жизнь* он готов принести для блага Франции».

«Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, при регентстве брата моего Михаила», телеграфировал император Николай II Председателю Государственной Думы, 2 марта 1917 г.

Наполеон желал продолжать борьбу, мог продолжать борьбу с полной надеждой на успех, но его маршалы категорически потребовали его отречения и заявили, что в возникающей гражданской войне они не примут участия. Войска стояли за Наполеона, он даже мог арестовать своих маршалов и продолжать борьбу с оставшимися ему в общем верными войсками. Но он не захотел этого. Началась измена, настал черед предательства. Наполеон не захотел гражданской войны и возможной гибели Франции. Он уступил, отрекся от престола. Можно ли упрекать его в трусости, недалекости? Но Николай II находился в гораздо худшем положении, чем Наполеон: он вовсе не мог опереться на свои войска. Что же может быть бессмысленнее обвинения его в недостатке мужества и т. д.?

Император Николай II, напротив, обнаружил замечательное присутствие духа и полное самообладание. Он сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить своим преемникам успех в борьбе с внешним врагом и внутренними беспорядками. Понимая отлично, что регент не будет иметь того авторитета, как император, что лица, способствовавшие перевороту, всегда будут бояться возмездия со стороны сына низложенного императора, Николай II изменил первоначальную мысль об отказе от престола в пользу сына и отказался в пользу брата. Мало того, он указал брату путь сближения с народным представительством (присяга Конституции, ответственный кабинет). Он дал приказ армии и флоту бороться за Россию до конца, в единении с союзниками и *повиноваться Временному правительству* (без этого приказа многие офицеры не принесли бы ему присяги). Он успел *до отречения* назначить Верховным Главнокомандующим великого князя Николая Николаевича и Председателем Совета министров кн. Г. Е. Львова, которого Гос. Дума намечала на этот пост, именно для того назначил, чтобы оставшиеся верными государю

могли со спокойной совестью подчиниться тем, кому повинованием обязал их сам государь. Все было обдуманно, все взвешено.

Именно император Николай II сделал решительно все, пошел на все жертвы, чтобы только обеспечить, даже по своему отречении, процветание России и ее успех в борьбе с внешним врагом. Но все пошло прахом после его отречения. Революция вовсе не имела своей целью смену монарха. Цель ее была гибель и разложение России, чтобы вывести ее из рядов сражающихся против Германии.

Император Михаил Александрович не принял престола и предоставил решить вопрос о форме правления в России Учредительному собранию.

Учредительное собрание было разогнано большевиками.

Временное правительство, после бесславного существования, было упразднено.

Фронт развалился.

Россия вышла из войны и подписала позорный Брест-Литовский мирный договор, о котором император Николай II сказал, что он предпочел бы скорей отрубить себе руку, чем подписать подобный мир. А между тем за его подпись германские агенты гарантировали ему его жизнь и жизнь его семьи.

Государь был зверски убит в Екатеринбурге (1918 г.).

Началась гражданская война.

И на развалинах Российской империи утвердилась Диктатура Коммунистического интернационала.

Теперь ясно, что отречение императора Николая II было величайшей ошибкой и несчастьем для России. Но вина в этой ошибке не императора Николая II, а тех, кто требовал и настоял на этом отречении.

